

МОЛОДЁЖНАЯ ПРОЗА

ASYA
Chir

ГОРДЯЧКА

для мажора

Asya Qui

Гордячка для мажора

<https://litres.ru/74206628>

Аннотация

Беркли. Легендарный университет для богатых и привилегированных. Я выгрызла себе место здесь. Думала, это победа. Оказалось – начало войны. Здесь каждый вдох – борьба. А теперь еще и он – Джейден Монтгомери. Наследник миллионов, с взглядом, прожигающим насквозь. Этот чертов засранец проник под кожу, в мысли, в сны. Он – яд, который я жадно пью. Он разрушит меня, я это знаю. Но остановиться уже не могу.

Содержание

Глава 1. Беркли, вот и я	4
Глава 2. Монтгомери	10
Глава 3. Особый клиент	14
Глава 4. Ноль эмоций	21
Глава 5. Забота?	27
Глава 6. Отец	38
Глава 7. Утро плохого дня	50
Глава 8. Две недели в Беркли	56
Глава 9. Мамины долги	71
Глава 10. Метания	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Глава 1. Беркли, вот и я

Мну в пальцах рукав толстовки. Ткань затёртая до дыр, но это последний подарок Брэдли.

«Носи, мелкая, и помни — ты сильнее, чем думаешь».

Ага, конечно. Сильная я. Настолько сильная, что стояла как столб и смотрела, как увозят единственного человека, которому я была нужна. Даже голоса не подала. Просто сжимала эту толстовку и... всё. Брэдли ещё умудрился подмигнуть мне через стекло. Улыбнулся своей фирменной улыбкой — мол, всё окей, малявка, прорвёмся.

В животе урчит. Блин, когда я вообще ела? Вчера? Позавчера? А, точно. Вчера утром доедала остатки пиццы, которую Рэй не доела. Холодная, с застывшим сыром. Но хоть что-то.

Оглядываюсь. Мрамор везде. Всё такое... идеальное. Люди тоже под стать интерьеру — отполированные до блеска, с фальшивыми улыбками.

А я тут со своим ободренным чемоданом. Колёса визжат при каждом повороте — одно вообще заедает.

За стойкой регистрации сидит женщина. Укладка — ни волоска не выбилось. Улыбка приклеена намертво, но глаза холодные.

— Чем могу помочь?

Ой, какой тон... Прямо так и слышится: «Чего припёрлась,

оборванка?»

— Эвелин Грей. Комната 307.

— А-а-а, — тянет она, и брови взлетают к самой причёске.

— Вы та самая... стипендиатка.

Ох, как же хочется ответить. Прямо язык чешется выдать что-нибудь типа: «Удивительно, правда? Оказывается, можно поступить в Беркли и без папиного кошелька».

Но нет. Прикусываю язык так сильно, что чувствую металлический привкус. Шесть месяцев подготовки. Ночи без сна. Учебники вместо еды. Я не для того через все это прошла, чтобы вылететь в первый день из-за своего длинного языка.

— Да, это я.

Она театрально вздыхает. Достает откуда-то ключ, кладёт на стойку.

— Третий этаж, правое крыло. Лифт, к сожалению, временно не работает.

Хватаю ключ и тащу чемодан к лестнице. Три этажа. С этой колымагой. Супер.

Первый пролёт — нормально. На втором уже пот выступает. К третьему ноги гудят, дыхание сбивается. По пути встречаю несколько девиц. Все как под копирку. Окидывают меня взглядом с ног до головы и морщатся, будто от меня воняет.

Да пошли вы все. Я тут по праву. Заслужила.

Но всё равно неприятно. Думала, готова к такому приёму. К снобизму, к презрению. Оказалось нет. Одно дело знать, что тебя будут гнобить. Другое — чувствовать это на соб-

ственной шкуре.

Наконец добираюсь до третьего этажа. Ноги гудят, спина мокрая, дыхание как у астматика. Правое крыло... где это, черт возьми? А, вот табличка. 305... 306... 307.

Достаю ключ. Пальцы трясутся. Ключ никак не попадает в скважину.

— О. Мой. Бог.

Резко оборачиваюсь. За спиной стоит... как это называть? Ожившая обложка Vogue? Инстаграм-модель? Нет, это слишком просто. Эта девица — квинтэссенция всего, чем я не являюсь.

— Значит, слухи не врут?

— Какие слухи?

Хотя догадываюсь. Новости тут разлетаются быстрее скорости света.

— О том, что к нам подселили... — она делает паузу, смакуя момент. — Стипендиатку из гетто.

Из гетто? Да я из обычного трейлерного парка, но ей-то какая разница.

Щёки горят, но стараюсь держать лицо.

— Оперативно у вас тут сарафанное радио работает. Я польщена таким вниманием, — выпрямляюсь, смотрю ей прямо в глаза. — Эвелин Грей.

— Блэр Кингсли. И поверь, милая, к концу семестра таким как ты здесь места не будет. У нас свои... стандарты.

— Правда? И какие же? Минимальная толщина папино-

го кошелька? Или количество пластических операций до совершеннолетия?

— Увидишь.

Ключ наконец-то проворачивается в замке. Слава богу, хоть что-то идет по плану. Захожу и захлопываю дверь прямо перед её носом. Прислоняюсь спиной, пытаюсь отдышаться. Сердце колотится как бешеное.

Ну и пусть. Пусть ненавидят. Я не за их любовь сюда приехала.

Оглядываю комнату. Вот это контраст... Справа — это прямо обложка журнала «Богатая сучка». Шелковое покрывало розового цвета. Постеры на стенах. Туалетный столик завален косметикой.

А моя половина... Ну, это даже смешно. Голые стены. Кровать узкая. Стол пустой, даже лампы нет. Подчеркнутый минимализм? Скорее вкус нищеты, как есть.

Ставлю чемодан и сажусь на кровать. Пружины жалобно скрипят. Отлично. Буду всю ночь скрипеть при каждом движении. Соседка обрадуется.

— Чёрт!

Дверь распахивается без стука. На пороге ещё одна блондинка. Но эта хоть выглядит живее — глаза не стеклянные, улыбка вроде настоящая.

— Так ты моя новая соседка? Я Скарлетт.

Грациозно проплывает мимо меня, усаживается на свою кровать. Ноги складывает как-то по-особенному элегантно.

Наверное, в их мире это важный навык — красиво сидеть.

— Эвелин. Можно просто Эви.

— Ммм, — она разглядывает меня с ног до головы. — Я просила одноместную. Папа даже декану звонил.

— Сочувствую. Но меня тоже не спросили.

Начинаю выкладывать вещи. Жалкое зрелище. Пара джинсов, несколько футболок, нижнее бельё. Всё помещается на двух полках.

— Давай сразу проясним, — Скарлетт наклоняется вперёд. — Я не собираюсь изображать подружек. У нас с тобой разные... орбиты, понимаешь? Ничего личного.

По крайней мере честно.

— Понимаю. Не волнуйся, навязываться не буду.

— Отлично. Но кое-что тебе стоит знать. Это Беркли, детка. Здесь всё решают связи. С кем дружишь, где тусуешься, во что одета. Завтра вечеринка — начало семестра. Будь там, если хочешь хоть как-то вписаться.

Смотрит на мои вещи с плохо скрываемой брезгливостью.

— Хотя в этом... тебя точно не пустят.

Телефон вибрирует. Достаю — экран весь в трещинах, еле работает.

«Нужна на смену. Двойная ставка» — сообщение от Рэй.

Двойная ставка. Это шесть часов в "Розе". Ноги будут отваливаться, спина ломиться. Пьяные уроды с их сальными шуточками и лапами. Но деньги. Мне позарез нужны деньги.

«Буду в одиннадцать».

— Слушай, ещё пара моментов, — Скарлетт проводит пальцем по тумбочке, проверяя на пыль. — Никаких гостей после десяти. Мои вещи не трогать. Свою половину содержи в чистоте. И... — она делает паузу, — не влюбляйся в Джейдена Монтгомери.

Что? Кто это вообще?

— Джейден Монтгомери? Это кто?

Скарлетт смотрит на меня как на умственно отсталую. Потом усмехается.

— О, детка. Через неделю ты будешь знать о нём всё. Как и каждая девчонка в этом кампусе. Но он не для таких, как... — взгляд снова скользит по моей потрёпанной толстовке. — В общем, я тебя предупредила.

— Спасибо за заботу, но мне плевать на всех ваших Джейденов. Я здесь учиться, а не парней клеить.

Тем более каких-то мажоров, которые наверняка кроме своего члена ничего в жизни в руках не держали.

— Как скажешь, — она достаёт телефон, явно теряя ко мне интерес. — Ну, удачи тебе. Увидимся... когда-нибудь.

Встаёт и выплывает из комнаты. Духи остаются висеть в воздухе — приторные, дорогие. От них начинает болеть голова.

Глава 2. Монтгомери

Лезу в дальний угол шкафа за своей «рабочей» сумкой. Чёрное мини-платье, туфли на шпильках, косметичка с боевой раскраской. Вот и вся амуниция для ночной смены в "Розе".

Дверь распахивается без стука. Просто бац — и открыта. — Твою мать! — дергаюсь от неожиданности.

В дверном проеме... О господи. Это что за экземпляр?

Высокий парень. Метр девяносто минимум. Темные волосы взъерошены. Глаза... ох, эти глаза. Серые, но не просто серые — с каким-то стальным отливом, холодные и одновременно обжигающие.

Черная футболка обтягивает широкие плечи. Не качок-переросток из спортзала, а именно что атлетичное телосложение.

А запах... Господи, от него пахнет так дорого и вкусно, что хочется подойти и уткнуться носом в шею...

Стоп. О чем я вообще думаю?

— Скарлетт здесь? — спрашивает он.

Голос... Мама дорогая. Низкий, с легкой хрипотцой. Такой голос не задает вопросы — он приказывает. Такой голос шепчет непристойности в темноте дорогих отелей.

Проклятье, хватит!

— Нет, — выдавливаю, чувствуя, как пересыхает во рту.

Его взгляд скользит сверху вниз — от растрепанных волос до стоптанных кед. Останавливается на заплатке на колене джинсов.

Вижу, как в его глазах мелькает... что? Презрение? Снисхождение? Будто я какое-то недоразумение, случайно оказавшееся на его пути.

Меня прямо изнутри как кипятком обдало. Да кто он такой вообще? Думает, раз у него задница в джинсы за косарь баксов упакована, так он король мира?

— Новенькая?

— А ты, я так понимаю, местная знаменитость? Дай угадаю... Джейден?

Уголки его губ дергаются вверх. Не улыбка — скорее признание, что я попала в точку.

— Моя репутация меня опережает.

Он прислоняется к дверному косяку, скрещая руки на груди. Футболка натягивается, обрисовывая рельеф мышц. Бицепсы, трицепсы, предплечья с выступающими венами...

Демонстративно отворачиваюсь к шкафу, делая вид, что ищу что-то среди вешалок.

— Ну что ж, репутации свойственно преувеличивать. Передам Скарлетт, что ты заходил.

Но он не уходит. Чувствую его присутствие каждой клеточкой тела.

— Забавно... Обычно девушки не спешат от меня избавиться.

— Наверное, потому что обычно ты общаешься с теми, кто готов упасть в обморок от восторга при виде твоей... как это... ауры превосходства?

Поворачиваюсь к нему лицом. Наши взгляды встречаются, и что-то... щелкает. В его серых глазах вспыхивает интерес. Опасный интерес.

— А ты, значит, не из таких?

— Я вообще не из твоего круга, если ты не заметил. И у меня нет времени на...

Джейден отталкивается от косяка. Делает шаг ко мне. Потом еще один. Расстояние между нами сокращается до неприличного.

— На что именно у тебя нет времени? — произносит он совсем тихо. Его дыхание касается моей щеки.

Вдох. Попытка выдоха. Не показывать, как сильно его близость выбивает из колеи.

— На игры избалованных мальчиков, которым нечем заняться.

Его глаза темнеют. Он ещё ближе наклоняется, и мне кажется, что сейчас...

ДЗЫНЬ!

Телефон! Спасение!

Джейден отступает, но взгляд не отводит. Достает из кармана телефон.

— Да? — бросает в трубку, все еще глядя на меня. — Сейчас буду.

Убирает телефон. Секунда тишины. Две. Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах.

— Продолжим в другой раз.

— Вряд ли, — выпаливаю.

Он усмехается. Разворачивается и выходит, оставляя за собой шлейф дорогого парфюма и ощущение, будто из комнаты высосали весь кислород.

Глава 3. Особый клиент

Поднос с коктейлями весит тонну, клянусь. Или это просто мои ноги уже не вывозят после четырех часов в этих адских шпильках.

— Эй, сладкая! — какой-то мужик машет мне из-за столика. Красная рожа, галстук съехал набок. — Два «Космо» и твои циферки, а?

Его корешки заливаются пьяным смехом. Ох уж эти клоуны... Каждый второй думает, что он оригинальный.

Ладно, включаем режим «милая официантка». Не слишком дружелюбная — а то решит, что я на него запала. Но и не ледяная сука — чаевые же нужны.

— Два «Космополитена», будет готово через пять минут.

— А циферки? — не унимается он.

— Они в счете будут, — отшучиваюсь и сваливаю, пока не полез лапаты.

— Жасмин! — Рэй орет через весь зал. — Семерка ждет! VIP-клиент!

Ох, ну вот... VIP-зона — это вообще отдельная песня. Там сидят те, кто считает, что за деньги можно купить абсолютно все. И меня в том числе.

Подхожу к барной стойке. Алекс как раз заканчивает очередной шедевр.

— Готова идти в логово зверя? — он ставит бокалы на

мой поднос.

— Да уж лучше бы я сейчас в общаге сидела и экономику зубрила. По крайней мере, формулы не пытаются залезть мне под юбку.

Он хмыкает в ответ.

Алекс — единственный здесь, с кем можно нормально поговорить. Он тоже студент, подрабатывает, чтобы за учебу платить. Только он не парится так, как я. Говорит, что это временно, что потом все наладится. Хотелось бы мне так думать.

Ладно, пора. Расправляю плечи, поднимаю подбородок. Жасмин готова к бою. Еще четыре часа, Эви. Всего четыре часа, и можно будет свалить домой и забыть об этом месте до следующей смены.

Несколько мужиков поворачивают головы, когда я вхожу в VIP-зону. Обычное дело. Оценивающие взгляды скользят по фигуре. Мысленно посылаю их всех куда подальше.

— Детка, иди сюда! — зовет толстяк. — Присядь с нами, развлечемся!

Господи, опять... У них что, других слов нет? Каждый вечер одно и то же — "красотка", "детка", "милашка". Тошнит уже.

— Простите, я работаю. Что будете заказывать?

— Тебя хочу заказать, — он достает бумажник, явно собираясь впечатлить меня толщиной. — Сколько стоишь, красавица?

Сжимаю поднос так, что пальцы белеют. Спокойно, Эви. Не первый, не последний.

— Боюсь, вы меня неправильно поняли...

— Ты знаешь, кто я вообще такой? — его лицо краснеет. Обиделся, бедненький.

Нет, не знаю. И знать не хочу.

— Джереми, утомись. Девушка работает.

Оборачиваюсь на голос и... ох.

В углу, за самым престижным столиком, сидит парень. Темные волосы слегка растрепаны, рубашка расстегнута на пару пуговиц.

Рядом с ним две модели в платьях-тряпочках, но он смотрит только на меня. И не так, как обычно смотрят – не раздевая взглядом, не с презрением. С... любопытством?

— Извини за Джереми. У него с манерами проблемы.

— Все в порядке. Привычное дело. Что будете?

Он откидывается на спинку дивана.

— Удиви меня.

— Простите?

— Ты же здесь работаешь. Должна знать, что стоит попробовать.

Ага, вызов принят, мистер Загадочный.

— «Дьявольский поцелуй», — называю самый убойный коктейль из нашего меню.

— И что в нем особенного?

— Попробуете — узнаете.

Черт, это прозвучало грубее, чем я хотела. Но он улыбается. Не ухмыляется, как остальные, а именно улыбается.

— Хм... хорошо. Три «Дьявольских поцелуя» и бутылку «Дом Периньон». И еще кое-что...

Вот сейчас начнется. Сейчас он скажет что-нибудь пошлое или предложит «договориться».

— Хочу, чтобы сегодня нас обслуживала только ты.

Ну, ладно. Не угадала.

— Я не уверена, что это возможно...

— Я договорюсь с менеджером. Кстати, я Маркус.

— Жасмин.

Вру, конечно. Но он и не ждет правды. Тут все врут — о именах, о возрасте, о намерениях.

Каждый раз, когда подхожу к его столику, что-то внутри напрягается. Не могу понять, что с ним не так. Другие клиенты ведут себя предсказуемо — либо пялятся как на кусок мяса, либо вообще не замечают, будто я часть интерьера. А Маркус... наблюдает. Изучает.

Может, он маньяк какой? Из тех, что расчленяют официанток и складывают в морозилку? Фу...

— Жасмин. У тебя в глазах что-то есть... Что не вяжется с образом простой официантки.

Ох, да ладно! Теперь он еще и психолог? Может, сразу душу вывернуть наизнанку?

— Знаете что я вижу в ваших глазах? Скуку. И попытку

развлечься за счет персонала.

Он усмехается. Черт, у него красивая улыбка.

— Остроумно. Обычно девушки здесь более... сговорчивые.

— Может, поэтому ваши спутницы уже ушли? — киваю на пустые места рядом. — Заскучали от вашего пристального внимания ко мне.

Он смеется. По-настоящему, не фальшиво.

— Проницательная Жасмин. Или как тебя там зовут на самом деле.

Сердце екает.

— Жасмин. Можете проверить у менеджера.

— О, я уверен, что у менеджера ты именно Жасмин. Вопрос — кто ты за пределами этих стен?

— Никто особенный. А теперь, если позволите...

— Присядь. Выпей со мной.

— Я на работе.

— Я поговорю с Рэй. Она не будет против.

— Есть правила. Я их не нарушаю.

Разворачиваюсь и ухожу, чувствуя, как его взгляд прожигает дырку в спине. Что ему вообще надо? Почему не может просто напиться и свалить, как все нормальные клиенты?

Четыре утра. Клуб почти пустой, только пара столиков еще занята. А он все сидит. С тем же стаканом виски, который час назад был полным. Не пьет — просто крутит в ру-

ках, наблюдая за мной.

Это начинает напрягать. Серьезно напрягать.

— Мы закрываемся, — подхожу к его столику в последний раз.

Он поднимается. Ого... какой же он высокий. Я и не заметила раньше. Приходится задирать голову, чтобы посмотреть в лицо.

— Жаль. Вечер был... познавательным.

Его пальцы касаются моего запястья. Легко, на секунду. Но от этого прикосновения по руке бегут мурашки.

— Передай Рэй, что я доволен обслуживанием, — он кладет на стол пачку купюр. Толстую пачку. — И да... я вернусь.

Он уходит, а я стою как дура, сжимая в руке влажную от конденсата салфетку. Что это вообще было?

— Молодец, — Рэй протягивает мне конверт с зарплатой. — Маркус обычно более... требовательный. А с тобой вел себя прилично.

Не хочу знать, что она имеет в виду. Правда не хочу.

— Я просто делала свою работу.

Выхожу на улицу. Предрассветный город выглядит нереальным — пустые улицы, редкие машины, первые проблески света на горизонте. Ловлю такси, плюхаюсь на заднее сиденье.

Устала так, что даже думать больно. Губы ноют от фальшивых улыбок, ноги гудят, спина затекла. И все ради чего? Ради пары сотен баксов, которых хватит на неделю, если эконо-

номить.

В общежитии тишина. Поднимаюсь по лестнице, стараясь не шуметь — не хватало еще разбудить кого-нибудь. Мечтаю только об одном — добраться до кровати и вырубиться хотя бы на пару часов.

Открываю дверь и...

Твою мать.

На кровати Скарлетт... она и Джейден. И они точно не спят.

Глава 4. Ноль эмоций

Джейден

Скарлетт извивается на мне, закатывает глаза, изображая экстаз. Фальшиво до тошноты. Тело реагирует на автомате, член делает своё дело, но голова... голова вообще не здесь.

Дверь распаивается без стука. На пороге застывает та самая стипендиатка — соседка Скарлетт. Из-за неё весь университет на ушах стоит последние дни.

В полумраке её глаза кажутся огромными. Чёрными. Под ними тени, толстовка висит мешком. Бледная как смерть.

Не мой типаж. Вообще никак. Ни единой искры.

— Какого хрена?! — Скарлетт взвизгивает, хватается за простыню.

Морщусь от её визга.

А стипендиатка... Ни мускул не дрогнул. Даже не моргнула. Проходит мимо нас, будто мы мебель.

И это... что-то внутри дёргается. Непривычно как-то. Обычно девчонки хоть как-то реагируют — краснеют, отворачиваются, извиняются. А эта — ноль эмоций.

Наблюдаю, как она роется в шкафу. Движения чёткие, без суеты. В шесть утра такая собранность... напрягает.

Хотя какое мне дело вообще до неё? Очередной социальный эксперимент Беркли — набрали нищевородов для статистики. Через семестр вылетит отсюда пулей.

— У тебя со слухом проблемы? — Скарлетт шипит как змея.

— Это моя комната тоже. И уже шесть утра. Время подъёма, — стипендиатка даже не оборачивается.

— Убирайся отсюда немедленно! — голос Скарлетт взлетает до ультразвука.

— Дай мне переодеться, и я исчезну.

Скарлетт пытается слезть с меня, но удерживаю её за бёдра. Интересно же, как долго новенькая будет держать эту маску безразличия?

— Продолжай. У нас появился зритель.

Специально громче произношу. Пусть слышит.

Но она... ни единой реакции. Каменное лицо.

— Джей, перестань... — Скарлетт нервничает, оглядывается.

— Я сказал — продолжай.

Скарлетт неохотно возобновляет движения, но весь кайф испарился. Смотрит только на стипендиатку. А та переодевается за дверцей шкафа. Мелькает спина, ноги... неожиданно подтянутые для заучки. На бедре тёмное пятно. Синяк? Большой слишком для случайного.

— Приятного утра.

Дверь закрывается. И всё желание продолжать испаряется вместе с ней. Член обмякает. Настроение в полной жопе.

— Ненавижу эту суку! — не скрывает злобы. — Откуда она вообще взялась? Ты видел её тряпки? Мой брат в пятом

классе лучше одевается!

— Заткнись уже.

Сбрасываю её с себя, натягиваю джинсы. От этой комнаты с розовыми занавесками уже мутит.

— Звони, когда соседки не будет.

— Так ты придёшь снова? — надежда в глазах.

Не отвечаю. Выхожу, хлопнув дверью.

В голове крутится образ стипендиатки. Прямая спина, чёткие движения, этот синяк на бедре...

Откуда он там, блять? Кто её трогал? И какого хрена меня это волнует?

Иду по коридору, пытаюсь выкинуть её из головы. Но образ прилип. Эти тёмные круги под глазами, худые плечи под толстовкой... И полное безразличие к происходящему.

Эви

Господи, да что это было вообще? Джейден и Скарлетт, в моей комнате, на моей территории... Ладно, не совсем моей, но все же.

Желудок скручивает от... чего? От отвращения? Злости? Блин, да какая разница! Мне-то что за дело до их сексуальных марафонов?

Хотя нет, есть за что злиться. Это же моя комната тоже, черт возьми! Неужели нельзя было найти другое место? У него наверняка есть своя берлога, где он водит всех этих... Ладно, хватит.

Сворачиваю за угол и... О нет. Только не это.

Маркус. Тот самый клиент из "Розы", который оставил мне сотню чаевых и смотрел так... странно. В университетской толстовке выглядит моложе.

— Только не говори, что ты тоже здесь учишься, — слова сами вырываются.

Он поднимается по ступенькам мужского общежития, и я, как полная дура, иду следом. Зачем? Понятия не имею. Ноги сами несут, а мозг отключился еще там, в комнате.

Захожу следом, он останавливается у одной из дверей студит.

Прячусь за колонной. Сердце колотится так громко, что, кажется, весь кампус слышит. Дверь распахивается и...

Джейден. В одних джинсах.

Ох...

Рот пересыхает моментально. Торс... ну просто обложка фитнес-журнала. Пресс кубиками, V-образная линия внизу живота уходит под пояс джинсов, а я опять вспоминаю, как эти мышцы напрягались, когда он...

— Какого хрена ты припёрся в такую рань? — рычит Джейден.

— Братишка, нам поговорить надо.

Братишка? Они что, братья? Вот чёрт...

Два брата-миллионера. Один видел меня полуголой официанткой, второй — полуодетой в шесть утра.

— Что на этот раз?

— В "Розе" кое-кого встретил.

Ой-ой... Только не про меня. Пожалуйста, пусть он говорит о ком угодно, только не обо мне! Вжимаюсь в колонну так, что спина начинает неметь.

— Марк, сколько раз просил, держись подальше от этого клуба.

— Да ладно тебе. Там такая официантка... Жасмин зовут... У нее взгляд такой... прям как у...

Все. Приплыли. Он про меня.

— Марк. Проблемы есть поважнее. Отец звонил.

Слава богу. Спасибо тебе, мистер Монтгомери-старший, кем бы ты ни был.

— И что старик хотел?

— Финансирование грозитя перекрыть. Говорит, позорим фамилию.

Маркус хмыкает:

— Из-за истории с дочкой сенатора?

— Не только. Твои клубные похождения, мои... развлечения.

Развлечения. Опять перед глазами Скарлетт, его руки на ее бедрах...

— И что, теперь пайныками станем?

— Именно. Никаких клубов. И держись подальше от своей загадочной официантки. Софи тебе мало было? Забыл уже, чем та история кончилась?

Софи...

Имя повисает в воздухе. По спине пробегает холодок —

что-то в голосе Джейдена, когда он это произносит... Явно история не из приятных.

— Не напоминай о ней.

— А ты не шлейся по местам, где ищешь призраков.

Аааа, вот оно что. Маркус в клубе искал не развлечений.

Он искал кого-то похожего на эту Софи.

— Настроение с утра портишь.

Маркус разворачивается. Идет прямо в мою сторону!

Вжимаюсь в стену еще сильнее. Перестаю дышать. Только бы не заметил, только бы прошел мимо...

Проходит. Даже не оглянулся.

Выдыхаю. Ноги подкашиваются от облегчения.

Джейден остается один. Проводит рукой по лицу. А потом хлопает дверью с такой силой, что даже отсюда слышно, как что-то упало внутри.

Глава 5. Забота?

Джейден

Толкаю дверь аудитории. Дэвидсон обрывается на полуслове. Окидываю взглядом аудиторию в поисках свободного места. Твою ж мать... Только одно — рядом с этой заучкой-стипендиаткой. Сидит вся такая правильная, строчит что-то в тетрадке. Волосы в тугой пучок стянула, шея открыта...

И тут меня накрывает. Представляю, как присасываюсь к этой бледной шее, оставляю засосы, спускаюсь к ключицам... ниже... Блядь, откуда это? Она же серая мышь, которая каким-то чудом пролезла в наш универ.

— Может, вы наконец сядете, мистер Монтгомери? — ухмыляется Дэвидсон. — Или будете весь семестр в дверях торчать?

Скрипя зубами, плюхаюсь рядом с ней. Специально задеваю локтем. Интересно же, как отреагирует. А она — бац! — как от прокаженного шарахается. Аж к самому краю стула отодвинулась.

Вот это... неожиданно. И бесит, если честно. Я привык, что тёлки сами на меня вешаются, ищут любой повод потереться об меня. А эта шарахается, как от чумного.

— Что, после пятичасового марафона с моей девушкой брезгуешь сидеть рядом? — наклоняюсь к её уху.

От ее волос пахнет... мм, свежестью какой-то. Цветами. Не как у Скарлетт — та вечно духами обливается так, что в радиусе метра дышать невозможно. А тут... простой, чистый запах. Приятный.

Она медленно поворачивает голову. И в глазах у нее такой лед, что мне аж зябко стало.

— Пятиминутного марафона, если быть точной. И судя по тому, как фальшиво стонала Скарлетт, ты особо не напрягался. Размер твоего эго компенсирует недостатки в... других местах?

Ох ты ж сука! Прямо по яйцам ударила, без предупреждения. Я аж опешил на секунду. Откуда в этой мелкой заучке столько яда?

— А ты, я смотрю, внимательно слушала, — придвигаюсь ближе, втягивая её запах. — Завидуешь? Мечтаешь оказаться на её месте? Держу пари, под этими мешковатыми тряпками прячется совсем другая девочка, которая не прочь...

— Боже, какая банальщина, — она даже не моргает. — У тебя случаем сценарий не из дешёвого порно? "Скромница на самом деле шлюха" — серьёзно? Может, ещё скажешь, что я втайне мечтаю, чтобы ты меня трахнул на этом столе?

Блядь, а ведь теперь именно это и представляю. Как задираю её юбку, раздвигаю ноги...

— Мистер Монтгомери! Мисс Грей! — голос Дэвидсона вырывает из фантазий. — Раз вы так увлечены беседой, может, поделитесь с нами своими соображениями о влиянии

процентных ставок на рыночную стоимость облигаций?

Черт. Я вообще не в курсе, о чём он там лепетал последние полчаса. Смотрю на неё — авось выручит.

И она выручает. Встаёт, выпрямляется. И... чёрт, откуда в ней эта уверенность? Секунду назад сидела зажатая мышка, а теперь стоит и вещает, как грёбанный профессор. Термины сыплет, формулы... Половину слов вообще впервые слышу.

Почему меня это так бесит? А... точно. Потому что такие, как она, не должны быть умнее нас. Это против правил. Нарушение иерархии.

— Превосходно, мисс Грей! — Дэвидсон лучится. — А вы, мистер Монтгомери? Может, хоть что-то добавите? Или ночные... развлечения совсем не оставляют времени на учёбу?

Вот же старый хрен.

— Знаете что, профессор, — смотрю на него. — Если бы ваши лекции были хоть чуточку интереснее, студентам не приходилось бы искать альтернативные способы провести время. Например, трахаться прямо во время занятий.

Аудитория замирает. Даже стипендиатка таращится на меня, приоткрыв рот. Ммм... а губки-то у неё ничего...

— ВОН! — рожа Дэвидсона становится пунцовой. — Вон из моей аудитории немедленно!

— С превеликим удовольствием.

Собираю барахло. Перед уходом наклоняюсь к ней:

— Было приятно пообщаться, Золушка. Только помни —

ровно в полночь карета превратится обратно в тыкву. А ты — в ту, кем всегда была.

— Иди к чёрту, — шипит она, но щёки розовеют.

Ага, не такая уж ледышка, как хочет казаться.

— Только если ты составишь компанию, — подмигиваю и выхожу, хлопнув дверью так, что стёкла дрожат.

Стою в коридоре, закурываю. В голове крутится её образ — эта упрямая складка между бровей, поджатые губы, вызов в глазах. И эта шея... блядь, я реально залип на её шею?

Эви.

Тащусь к стойке с бесплатными обедами. У богатеньких - органические салаты, киноа, смузи за двадцатку. У меня - серая каша непонятного происхождения и компот, который больше похож на подкрашенную воду.

Кассирша смотрит на мою карточку льготного питания.

— О, смотрите, кто пришел! Наша любительница подглядывать!

Скарлетт. Кто бы сомневался. За ней - стандартный набор клонов. Одинаковые прически, одинаковые улыбки, одинаковый блеск в глазах хищниц.

Они вообще когда-нибудь расслабляются? Или так и ходят с этими масками двадцать четыре на семь?

— Как тебе утреннее шоу? — картинно откидывает волосы. — Хотя... ты же не знаешь, каково это - хороший секс. В твоих краях небось все происходит на заднем сиденье ржавой тачки.

Пытаюсь обойти, но она загораживает проход. Теми самыми пальцами с идеальным маникюром, которыми несколько часов назад лапала Джейдена... Меня подташнивает. То ли от голода, то ли от всей этой ситуации.

— Че, язык проглотила? — Скарлетт наклоняется, обдавая меня волной приторных духов. — Или умеешь только в щелку подсматривать?

Серая жижа в тарелке опасно колышется. Один взмах - и вся эта бурда размажется по ее белоснежной блузке. Раньше я бы не задумываясь так и сделала. Но сейчас... Стипендия. Комната в общежитии. Будущее. Нельзя все похерить из-за этой крашеной дуры.

— Насколько я помню, твой рот был занят кое-чем другим, — ну может и не был, но вообще без разницы.

В столовой повисает тишина. Все смотрят. Ой. Это я сейчас вслух сказала?

Лицо Скарлетт меняется. Из розового становится красным, потом багровым. Толчок - и мой поднос летит. Рагу разлетается грязными кляксами, компот растекается по толстовке. По той самой толстовке Брэдли, которую он подарил перед отъездом...

В горле встает ком.

— Упс, — она изображает невинность, прикрывая рот ладошкой. — Я такая неловкая! Может, почку продашь? На новую толстовку хватит.

Сука. Ядовитая сука.

Опускаюсь на корточки, начинаю собирать разбросанную еду. Да, унижительно. Да, все вокруг достают телефоны. Щелк-щелк-щелк. К завтрашнему утру фотки разлетятся по всем с подписями типа «Нищевродка на своем месте» или что-то в этом духе.

Пофиг. Переживу.

Шаги. Внутри все сжимается. Поднимаю глаза и натываюсь на Джейдена и Маркуса. Во взгляде Маркуса мелькает узнавание. Он помнит меня. И знает кто я такая.

Пожалуйста, только не сейчас. Не говори ничего. Умоляю...

— Развлекаешься, Скарлетт? — голос Маркуса звучит... странно. Как будто он сдерживает смех.

— Учту нашу Золушку манерам, — она тут же виснет на Джейдене

Маркус вдруг наклоняется, протягивает мне руку. Все внутри скручивается еще туже.

— Давай помогу.

— Не надо, — выдавливаю, чувствуя, как горят щеки. — Я сама.

— Ого, какая гордая, — Скарлетт кривит губы. — Прямо королева помойки.

Встаю, сжимая пустой поднос. Толстовка липкая, мокрая, противная. В животе урчит от голода. Еще утром думала, что хуже быть не может.

Ха. Наивная дурочка.

Стою посреди блестящей столовой в заляпанной одежде. Вокруг снимают, шепчутся, хихикают. Когда я в последний раз чувствовала себя настолько... никем?

— Все, пошли отсюда, — Джейден даже не смотрит на меня. — Скучно.

Скучно. Мое унижение - это скучно. Просто неудачное развлечение, которое можно переключить как канал на телевизоре.

Почему-то это бьет сильнее, чем вся выходка Скарлетт.

— Но я еще не... — начинает она.

— Я сказал - пошли, — обрывает ее Джейден.

Дверь туалета захлопывается за мной с таким грохотом, что эхо разносится по всему помещению. Наконец-то можно выдохнуть и перестать корчить из себя непробиваемую стену. В зеркале меня встречает жалкое зрелище — толстовка Брэдли теперь в бурых разводах от той дряни, которую здесь называют едой.

Хватаю бумажные полотенца и начинаю оттирать пятна. Бесплезно. Ткань уже впитала всю эту гадость, и теперь выглядит как тряпка для пола.

Дверь хлопает. В зеркале вижу Блэр.

— Пытаешься отмыть свою нищету?

Она делает пару шагов ко мне. Каблуки цокают по кафелю - цок-цок-цок. Звук бьет по нервам.

— Знаешь, что меня в вас, нищебродов, больше всего бе-

сит? — она подходит ближе. — Вы реально верите, что можете стать частью нашего мира. Типа поступил в Беркли по стипендии — и все, ты уже не из трейлерного парка. Смешно же.

Продолжаю тереть пятно, хотя это уже больше похоже на нервный тик. Просто нужно чем-то занять руки, чтобы не вцепиться ей в ее идеально уложенные волосы.

— Но фишка в том, детка, что ты всегда будешь той, кем родилась. Можешь сколько угодно корчить из себя умную студентку, но...

Поднимаю на неё взгляд.

— А ты, значит, родилась с золотой ложкой в заднице и теперь думаешь, что это даёт тебе право вести себя как конченная стерва?

Ее лицо... ох, это надо было видеть. Сначала удивление, потом злость. Ноздри раздуваются, глаза сужаются.

— Следи за языком, — шипит она. — У меня есть связи, которые могут превратить твою жизнь здесь в ад.

— Боюсь-боюсь, — швыряю мокрые полотенца в урну.

Вылетаю из туалета, не дожидаясь ответа... и чуть не врезаюсь в Маркуса. Он стоит, прислонившись к стене, руки в карманах. Весь такой расслабленный, будто просто случайно оказался рядом с женским туалетом.

— Круто ты её приложила. Респект.

Только его тут не хватало.

— У меня дела.

— Какие дела? Идти плакать в подушку?

— Нет, готовиться к экзамену, если тебе так интересно.

Он отлипает от стены, преграждает мне путь.

— Пойдём выпьем кофе. Поболтаем.

— О чём нам с тобой болтать?

— Ну не знаю... О жизни? О том, почему ты так похожа на одну девушку, которую я знал?

Мурашки пробегают по спине.

— Я никого не напоминаю. И вообще, мне пора.

— Подожди...

Но я уже сваливаю. Быстрым шагом по коридору, не оглядываясь.

Выхожу из библиотеки, и ноги подкашиваются. Голова гудит от формул, есть хочется так, что желудок уже не урчит, а воеет. Спасибо Скарлетт за испорченный обед.

Хватаюсь за стену — в глазах темные пятна пляшут.

И тут передо мной вырастает Джейден. В руках бумажный пакет, от которого пахнет... ммм... едой. Настоящей едой. Желудок скручивает еще сильнее.

— Вот это да. Ты выглядишь хреново.

Выпрямляюсь, изо всех сил стараясь не показать, как меня шатает.

— Спасибо за комплимент. У тебя талант поднимать девушкам настроение.

Он протягивает пакет.

— На. Сэндвич с курицей и кола.

От запаха еды у меня чуть слюни не текут, но гордость... Ох, эта чертова гордость не дает просто взять и поблагодарить.

— Знаешь что? Засунь свой сэндвич туда, откуда достал. Не нужна мне твоя жалость.

— Это не жалость, — он делает шаг ближе, и я чувствую тепло его тела. — Это здравый смысл. Ты еле на ногах стоишь.

Смех вырывается сам собой.

— Ой, как трогательно! Джейден Монтгомери заботится о бедной стипендиатке. Прямо слезы наворачиваются.

Его рука внезапно оказывается на стене рядом с моей головой. Классический прием — запереть, показать, кто здесь главный. Но я слишком устала, слишком голодна и слишком зла, чтобы играть в эти игры.

— У тебя серьезные проблемы с принятием помощи, — его лицо так близко, что я чувствую его дыхание на своей щеке.

— А у тебя — с навязыванием этой помощи, — упираюсь ладонями в его грудь.

— Ты же понимаешь, что ведешь себя как упрямый осел?

— Ослица, — поправляю автоматически. — Если уж оскорблять, то хотя бы грамматически правильно.

— Ладно, делай что хочешь, ослица. Падай в обморок от голода. Мне плевать.

Бросает пакет мне под ноги и уходит. Смотрю на еду у своих ног. Желудок выворачивает от голода. Гордость кричит — не трогай, не унижайся. Но... черт. Наклоняюсь, поднимаю пакет.

Нахожу укромный угол, разворачиваю. Сэндвич с курицей, еще теплый. Сыр расплавленный, овощи свежие. Откусываю. Ммм... вкуснотища. Глаза закрываются от удовольствия.

Слезы наворачиваются сами собой. Не от обиды или злости. От этого чертового противоречия. Ненавижу его за то, что он видит меня такой — слабой, нуждающейся. И одновременно... черт, он единственный заметил, что я голодная и попытался помочь.

Глава 6. Отец

Толкаю дверь. Внутри воняет одеколоном отца за три штуки баксов и... властью. Он сидит за своим красным столом. Выбрит идеально, ни одной эмоции на роже.

— Маркус опять в "Розе" засветился.

— Разберусь с этим.

— Как разобрался с яхтой в прошлом году? Напомнить, чем все закончилось?

Яхта за пятнадцать лимонов. Марк тогда конкретно обдолбался и решил покататься. Итог — груды металлолома на дне залива. И три недели в больнице. Для меня, не для него. Потому что я взял вину на себя. Всегда беру.

— Это было давно. Он был младше, глупее...

— Мне похер, когда это было! — отец встает, и кабинет сразу становится тесным. — Твой братец — ходячая проблема. Держи его на коротком поводке, или я сам займусь его воспитанием. Понятно излагаю?

— Марку двадцать два. Он взрослый человек...

БАМ! Кулак прилетает в скулу. Не сильно — это просто предупреждение. Знакомый вкус крови во рту. Металлический, мерзкий. Сколько раз я его чувствовал? Сотню? Тысячу? Сбился со счета лет в четырнадцать.

— Ты наследник империи Монтгомери! А ведешь себя как последний лох. Твой братишка вообще конченный —

только и знает, что по клубам шлаться да баб трахать...

— Мало тебе мамы было? Решил теперь из нас калек сделать?

Вот тут я попал. Правый хук — и в глазах темнеет. Падаю на колено, держусь за челюсть. Кровь капает на пол. Отец в ярости — глаза горят тем самым безумием, которое я помню с детства.

Как же его бесит, что мама ушла сама. Что он не смог ее контролировать до конца.

— Я дал вам все! Образование! Деньги! Будущее! А вы...

— Дал все? — сплевываю кровь. — Ты ее загнал в могилу, а теперь удивляешься, почему мы такие ебанутые?

ХРЯСЬ! Спина впечатывается в стену. В ушах звенит. Перед глазами всплывает картинка: мама у зеркала, пытается замазать очередной фингал тональником.

"Мои мальчики..." — шептала она по ночам, думая, что мы спим. "Простите, что я такая слабая..."

А потом оставила записку. Восемь слов: "Простите меня, я больше не могу так жить". И пустая баночка из-под снотворного.

— Она сама выбрала этот путь! — отец брызжет слюной. — Слабачка! Не смогла справиться с жизнью!

Отец отпускает меня. Брезгливо отряхивает руки.

— Вон отсюда. И передай своему уроду-братцу — еще одна выходка, и я отправлю его в военную академию. Или в психушку. Что больше подойдет.

Выползаю из кабинета. В коридоре — Марк. Конечно, подслушивал. На лице дежурная ухмылочка, но в глазах па-ника.

— Старик совсем берега попутал.

Молча киваю. Сплываю кровь на ковер за двести штук квадратный метр. Пусть подавится.

В моей комнате первым делом лезу к бару. Руки трясутся, когда наливаю виски. стакан, второй, третий...

Марк заваливается следом. Мы никогда не обсуждаем эти... сеансы воспитания. Какой смысл?

— Джей, так больше продолжаться не может. Надо что-то делать.

— И что ты предлагаешь? Свалить? Начать с нуля где-нибудь в жопе мира? Он нас из-под земли достанет.

— Блядь, да я иногда не понимаю тебя! Зачем ты это все терпишь? Зачем прикрываешь меня?

— Потому что ты мой брат, идиот, — делаю еще глоток. Виски жжет горло, но боль в челюсти не притупляет. — Держись подальше от клубов. Хотя бы пару недель.

— Это приказ от папочки?

— Это просьба от меня.

Марк молчит. Потом кивает и сваливает.

Остаюсь один. С бутылкой, синяками и воспоминаниями. Мамины духи до сих пор стоят в ванной. Ваниль. Сладкий, теплый запах. Отец запретил их выбрасывать.

Делаю еще глоток. И еще. Пока боль не притупляется. По-

ка воспоминания не становятся размытыми.

Помню, как она пела нам колыбельные, даже когда ребра были сломаны и дышать больно. Как прятала синяки: "Папа расстроится, если увидит".

Закрываю глаза. Перед ними — ее лицо в последний день. Уставшее. Разбитое. Но все равно пыталась улыбнуться нам за завтраком.

Черт. Нужно выпить еще. Или выйти и кого-нибудь избить. Или найти какую-нибудь телку и трахнуть так, чтобы забыться. Что угодно, лишь бы не думать.

Музыка в этой дыре долбит так, что башка сейчас треснет пополам. Басы вибрируют прямо в грудной клетке — бум-бум-бум. Стою на втором этаже, смотрю вниз на всю эту толпу придурков. Первая неделя семестра, и эти олени носятся туда-сюда, пытаются впечатлить друг друга, показать, кто тут альфа.

Картер вваливается ко мне, размахивая бутылкой текилы. — Зацени, что отхватил! Прямиком из Мексики, батя подогнал специально для вечеринки.

Хватаю бутылку, делаю большой глоток прямо из горла. Текила обжигает глотку, на секунду заглушает тупую ноющую боль в скуле.

— По крайней мере твой отец в алкоголе разбирается, — возвращаю бутылку.

— Ага, а твой — в мордобое, — Картер кивает на мой

синяк, ухмыляясь. — Опять душевно пообщались?

— Можно и так сказать.

Не то чтобы я хотел об этом распространяться, но Картер — один из немногих, кто знает, как обстоят дела в семействе Монтгомери. Не ту лакированную херню, которую пишут в журналах про успешного бизнесмена и его сыновей. А настоящее дерьмо — про пьяные выходки отца, про его кулаки, про то, как мама не выдержала и... В общем, Картер в курсе.

Внизу какой-то тощий первокурсник решил понтануться перед качком, который раза в два его больше. Ну-ну, удачи тебе, придурок.

— Ставлю сотку — через минуту будет валяться без сознания, — Люк материализуется из ниоткуда, уже поддатый.

— Две сотни, что вырубится с первого удара, — поддерживаю эту тупую игру.

Да хоть какое-то развлечение в этой дыре. А то стоишь тут, пялишься на всех этих...

Краем глаза замечаю гриву Скарлетт на танцполе. Трется об какого-то салагу, но постоянно косится в мою сторону. Пытается заставить ревновать? Детский сад. Как будто мне есть дело до того, с кем она там трется. Мы потрахались несколько раз, и что? Это делает ее моей собственностью? Да пошла она.

— Эй, хватит киснуть, — Картер толкает меня локтем. — Смотри, какая телка на тебя пялится. Вон та, в красном платье. Сиськи — огонь!

Бросаю взгляд в указанном направлении. Ничего так, симпатичная. Можно будет подкатить позже, если совсем скучно станет.

Толпа внизу взрывается ревом — первокурсник все-таки получил по морде и теперь лежит на полу, пытаюсь понять, что произошло. Картер довольно ржет, протягивая руку за выигрышем.

В голове начинает шуметь от алкоголя, музыки и этого бесконечного гвалта. Может, пора сваливать? Или найти кого-нибудь, кто поможет снять напряжение...

И тут свет вырубается. Музыка обрывается на полуслове. В наступившей тишине слышны только удивленные возгласы и чье-то пьяное хихиканье.

Охуенно. Самое время свалить из этой помойки.

В темноте различаю силуэт той девчонки в красном. Она стоит в паре метров, растерянно озирается.

— Потерялась? — подхожу ближе, наклоняюсь к ее уху.

Она дергается от неожиданности, оборачивается. В полумраке не разглядеть толком ее лицо, но чувствую, как от нее пахнет страхом и... возбуждением? Интересное сочетание.

— Нет, я... просто жду, когда свет включат.

Голос дрожит. Милашка нервничает. Это даже забавно.

— Могу составить компанию пока ждешь. Или проводить, если хочешь выбраться отсюда.

Она молчит, явно прикидывая варианты. Соглашаться на предложение незнакомца в темноте — не самая умная идея.

Но альтернатива — стоять тут и ждать неизвестно чего.

— А ты вообще кто? — наконец спрашивает.

— Джейден. А ты?

— Меган.

Врет. Слышу по голосу. Но какая разница? Не собираюсь я с ней переписываться или встречаться на кофе. Максимум — быстрый перепихон где-нибудь в тихом месте.

— Ну что, Меган, — растягиваю ее фальшивое имя, — пойдем отсюда? Тут все равно уже ничего интересного не будет.

Еще секунда колебаний, потом кивает. Беру ее за руку — пальцы холодные и слегка дрожат. Веду к выходу, лавируя между пьяными телами в темноте.

Почти добрались до двери, когда слышу знакомый голос откуда-то со стороны электрощитка:

— Зараза!

Этот голос... Стоп. Это же...

Отпускаю руку Меган.

— Прости. Мне нужно кое-что проверить.

И иду на голос. Потому что если это действительно она... Если эта гордячка решила устроить блэкаут на вечеринке... Охуеть. У мышки, оказывается, есть коготки.

Эви

Басы долбят прямо в голову. Стены дрожат от этой херни. Сколько можно? Час, два, три... Я уже счет потеряла. Башка раскалывается, будто кто-то молотком по вискам лупит.

Натягиваю подушку на голову. Бесполезно. Музыка просачивается через все щели, вибрирует в матрасе, отдается в костях.

На соседней кровати никого. Скарлетт, само собой, внизу оттягивается. Наверняка уже повисла на каком-нибудь качке, выпячивает силиконовые сиськи и строит из себя королеву вечеринки. Ее подружки-клоны рядом хихикают, делают селфи с утиными губами... Боже, как же они все меня бесят.

Снизу доносится пьяный ржач. Кто-то что-то разбил - звон стекла. И этот запах... Сладковатый, липкий. Травка, конечно. Куда ж без нее на вечеринке золотой молодежи.

Вспоминаю слова Брэдли: «У богатеньких две забавы - папины бабки транжирить да мозги себе дурыю вышибать.» Как же он был прав...

К черту попытки уснуть. Сажусь на кровати, обхватываю колени. Какой-то придурок внизу врубил звук на максимум. Басы теперь не просто долбят - они меня изнутри выворачивают.

Ну все. Хватит.

Слезаю с кровати, нашариваю в темноте толстовку. Ту самую - с пятнами от компота. Стирала раз десять, но эти ржавые разводы так и не отстирались. Зато теплая.

В коридоре пусто. Все внизу - бухают, обдалбываются, трахаются в темных углах. Короче, занимаются тем, чем положено заниматься детям миллионеров в воскресенье вечером.

Спускаюсь по лестнице, держась за перила. Ноги сами несут к электрощитку на первом этаже. Знаю, что это по-детски. Знаю, что мелко и тупо. Но они меня довели. Три часа этого ада - это перебор даже для меня.

Дверца щитка скрипит, когда открываю. Внутри куча проводов и рубильников. Главный найти несложно - самый большой. Секунда... щелчок.

Темнота накрывает все здание разом. Музыка обрывается посреди бита. Тишина оглушает после всего этого грохота. За стенами начинается движуха - крики, маты, нервный смех.

"Какого хрена?!"

"Эй, кто свет вырубил?!"

"Да это наверное пробки..."

Прислоняюсь спиной к холодному металлу щитка. Затылок больно ударяется о стену.

— Зараза!

Дверь в подсобку открывается. В темноте не разобрать, кто это. Инстинктивно напрягаюсь.

Огонек зажигалки прорезает темноту. В оранжевом свете проступает лицо... Джейден. Острые скулы, прищуренные глаза. На левой скуле фиолетовый синяк.

— Диверсия? — дым от его сигареты клубится в воздухе.
— Круто придумала.

Вжимаюсь в стену еще сильнее. Металл щитка холодит спину даже через толстовку.

— Зачем припёрся? Твои фанатки потерялись в темноте? Джейден делает затяжку. В мерцающем свете его глаза кажутся черными дырами.

— Услышал, как ты тут ругаешься. Решил глянуть, кто устроил блэкаут.

— Ну глянул. Теперь побежишь стучать охране? Или декану сразу?

Вместо ответа он достает из кармана бутылку. Виски. Дорогой, судя по форме. Протягивает мне.

Беру, делаю глоток. Алкоголь обжигает горло, растекается по пустому желудку огненной волной.

— У моего брата такая же фишка есть, — Джейден забирает бутылку. — Блэкауты устраивать.

— Ну у моего брата другие развлечения. Он в тюрьме.

Слова вылетают раньше, чем успеваю подумать. Твою ж... Зачем я это сказала?

Джейден молчит. Только дышит рядом - спокойно, размеренно.

Не могу остановиться. Слова льются сами:

— Все думают, я тут благодаря мозгам. Типа такая вся умная, целеустремленная, из грязи в князи... Фигня. Брэдли заставил документы подавать. Сказал - либо валишь из этой дыры когда-нибудь, либо сгниешь, как все мы. Вот я и свалила.

— И правильно сделала.

— Правильно? — нервный смех рвется из горла. — Да я

до сих пор там! В том вонючем трейлере, где мама с очередным хахалем кувыркалась, а я в шкафу сидела, уши затыкала. Где жрать было нечего, а за свет платить - тем более. Где выбор каждый день - сдохнуть или выжить. Где...

Что за черт? Почему я все это ему выкладываю?

— Рассказывай дальше, — его голос звучит... по-другому. Без обычной издевки.

— Один из маминых дружков решил, что десятилетняя девочка... — горло сжимается. — ...уже достаточно взрослая для взрослых игр.

Картинки в голове. Вонь перегара. Потные руки, лезущие под пижаму

— Брэдли вовремя вернулся. Чуть не убил того мудака. Мама орала, что я все придумала. Что порчу ей жизнь. Типа я маленькая шлюха, которая сама к мужикам лезет... Брат забрал меня в тот же день. Жили в гараже у его друга. Спали на матрасах на полу. Зато там...

— Не лапали.

— Ага...

Офигеть. Я только что вывалила всю свою подноготную ему. Завтра он расскажет всем, и я стану местным посмешищем окончательно.

— Сколько народу узнает мою историю к утру?

— Смотря сколько времени Скарлетт торчала под дверью.

Замираю. В тишине явственно слышен стук каблуков - быстрый, нервный. Удаляется.

— Вот черт... — только и могу выдавить.

— Ну что ж, — Джейден поднимается. — Добро пожаловать в Беркли. Тут у всех секреты - общее достояние.

Щелкает выключателем. Свет бьет по глазам. Зажмуриваюсь.

— Предупредить надо было! — трут глаза, пытаюсь привыкнуть.

— А где кайф? Тем более тебе встряска не помешает, — уголки его губ дергаются.

Разворачивается и уходит. А я остаюсь сидеть на полу с почти пустой бутылкой дорогого виски.

Блин. Ну блин! Зачем я ему все это рассказала? Теперь Скарлетт... ох, эта сука точно использует информацию. И ее подружки. И вообще все.

Сползаю по стене на пол. В голове шумит от виски. Или от осознания, что я только что натворила.

Глава 7. Утро плохого дня

Эви

Комната пустая. Скарлетт уже умчалась распространять сплетни. Ох... вчерашний разговор с Джейденом крутится в голове, и от каждого воспоминания хочется провалиться сквозь землю.

Зачем я ему все это выболтала? Кто меня вообще за язык тянул? Про маму, про того уроды из детства, про Брэдли... Господи, да я же как открытая книга перед ним разложилась!

Мну край майки, пытаюсь унять дрожь в руках. Окей, сплетни — это фигня. Переживала и похуже. Главное — не психовать и делать вид, что все норм.

В коридорах универа сразу понимаю, что Скарлетт отработала на славу. Взгляды липнут со всех сторон. Кто-то шепчется, прикрывая рот ладонью, кто-то откровенно пялится, кто-то ухмыляется.

— ...слышала, мамаша у нее вообще конченная...

— ...брат за решеткой, наверняка за наркоту...

— ...откуда только таких берут в Беркли...

Каждое слово — как пощечина. Но я иду дальше, выпрямив спину. Пусть глазают. Пусть обсуждают. Мне не впервой быть белой вороной.

— Эй, соска! — какой-то качок в рубашке-поло перегородивает дорогу. Типичный папенькин сынок — загорелый,

накачанный, с той самой ухмылкой "я тут главный". — Слышал, ты дешевая? Сколько за ночку берешь? Папаша щедрый, заплатит сколько скажешь!

Его дружки заржали, толкая друг друга локтями. У меня в ушах зашумело от злости.

— Отошёл, — процеживаю сквозь зубы.

— Ооо, какие мы грозные! — качок делает шаг ближе. — Покажешь товар? А то вдруг не стоишь того...

Его лапа тянется к моей заднице. Рефлексы срабатывают быстрее мозга — хватаю его за запястье и выкручиваю так, как учил Брэдли. Резко, с поворотом.

— АААА! Сука! — он взвизгивает как девчонка.

— В следующий раз яйца выкручу, понял? — отпускаю его руку и отталкиваю.

Иду дальше, чувствуя на себе десятки взглядов. В коридоре повисла тишина — все охренели от того, что нищесбродка дала отпор золотому мальчику.

Ну и пусть смотрят. Я не игрушка для их развлечений.

До аудитории добираюсь за минуту до звонка.

Плюхаюсь на свое обычное место и тут же чувствую ЕГО присутствие. Джейден. Сидит через два ряда, и я кожей ощущаю его взгляд.

Не оборачиваюсь. Не смотрю. Вообще делаю вид, что его не существует. Наверное, сейчас он наслаждается шоу. Му-дак.

Дэвидсон начинает лекцию, но я не слышу ни слова. В го-

лове только вчерашний разговор. Каждое мое слово, каждое признание...

Боже, я рассказала ему про того мужика! Про то, как он... как его руки... Меня начинает подташнивать от стыда. Зачем я это сделала? Что на меня нашло?

— Мисс Грей!

Подскакиваю на месте. Дэвидсон сверлит меня взглядом.

— Я жду ответа на свой вопрос.

Какой еще вопрос? Я даже не слышала, о чем он спрашивал.

— Я... простите, я не расслышала вопрос.

Его ноздри раздуваются.

— Не расслышали? Или просто витали в облаках, думая о своих... личных проблемах? — он делает паузу, смакуя каждое слово. — Мисс Грей, возможно, вам стоит взять академический отпуск. Беркли — это место для тех, кто хочет учиться, а не для тех, кто приносит сюда свои... социальные проблемы.

Социальные проблемы? Серьезно? Этот старый козел только что намекнул, что мне здесь не место из-за моего происхождения?

— При всем уважении, профессор, — встаю со своего места. Голос дрожит, но не от страха — от ярости. — Мое происхождение не имеет никакого отношения к моим умственным способностям. Я поступила сюда по результатам экзаменов, а не потому, что папа сделал щедрое пожертвование

университету.

В аудитории можно услышать, как муха пролетит. Все смотрят на меня с открытыми ртами. Даже Джейден приподнял бровь — ого, оказывается, он умеет удивляться.

Дэвидсон багровеет. Буквально на глазах превращается из бледного старикашки в спелый помидор.

— Как вы смеете...

— А как вы смеете намекать, что я недостойна учиться здесь? — перебиваю его. К черту субординацию. — Потому что я не из "правильной" семьи? Потому что моя мать не устраивает благотворительные вечера, а мой отец не играет в гольф с деканом?

— Довольно! — он хлопает ладонью по кафедре. — Раз вы такая умная, мисс Грей, подготовьте доклад к следующей неделе. Тема — влияние монетарной политики на экономический рост развивающихся стран. Двадцать страниц минимум. С полным списком источников.

Ублюдок. Мы эту тему даже не начинали проходить. Он специально выбрал самое сложное, чтобы я завалилась.

— Конечно, профессор. Будет сделано, — киваю, внутри все кипит.

Он отворачивается и продолжает лекцию, а я сажусь обратно. Руки дрожат от злости. Еще один человек, который хочет меня уничтожить. Список становится все длиннее.

После лекции вылетаю из аудитории как ошпаренная. Надо в библиотеку, искать материалы для этого долбаного до-

клада. Двадцать страниц за неделю — да он совсем охренел!

— Не в ту сторону идешь. Библиотека там, — знакомый голос заставляет остановиться.

Оборачиваюсь. Джейден стоит, прислонившись к стене, руки в карманах. Белая рубашка идеально сидит на широких плечах, темные джинсы подчеркивают длинные ноги. Волосы слегка взъерошены, будто он только что провел по ним рукой.

Красивый, зараза. И сам это знает.

— Чего тебе, Монтгомери?

— Просто интересно, как ты себя чувствуешь после нашего... душевного разговора вчера.

Вот же...

— Отлично себя чувствую! Особенно после того, как твоя подружка разнесла мою историю по всему кампусу. Спасибо большое!

— Не драматизируй, — он пожимает плечами, и эта его невозмутимость бесит еще больше. — Ну узнали про твою семейку, и что? У всех есть скелеты в шкафу. Завтра найдут новую тему для сплетен.

— У тебя в шкафу только брендовые шмотки и папины деньги!

— Даже спорить не буду, — ухмыляется.

— Знаешь что? Пошел ты! — разворачиваюсь и ухожу быстрым шагом. — И держись от меня подальше!

— Эви! — он окликает меня, но я не оборачиваюсь.

Монетарная политика, экономический рост, развивающиеся страны. Вот чем мне надо заниматься. А не думать об этом невыносимом придурке с его... с его идеальной задницей в этих джинсах и...

Стоп. С каких пор я пялюсь на мужские задницы?

Внизу живота теплеет, и от этого становится еще противнее.

На скамейке во дворе достаю телефон.

Набираю Рэй.

— Алло? — она берет трубку после третьего гудка.

— Рэй, могу сегодня выйти на смену?

— Джесс слегла с температурой, так что да, приходи. К восьми будь.

— Окей, буду.

Отключаюсь и закрываю глаза. Четыре часа в "Розе" — улыбаться пьяным мужикам, уворачиваться от липких рук, терпеть их пошлые шуточки... Но это все равно лучше, чем оставаться в кампусе.

Глава 8. Две недели в Беркли

Эви

Дождь хлещет по лицу, как будто кто-то там наверху решил устроить мне персональный душ. Только вот душ ледяной, а я без зонта. Как обычно. Забыла его в комнате, когда выскакивала за продуктами.

Прижимаю к груди промокшие пакеты. Внутри жалкий набор выживальщика — макароны самые дешевые, банка тушенки и фасоль. На неделю растяну, если повезет.

Вспоминаю, как Брэдли однажды спросил, глядя на очередную мою порцию лапши быстрого приготовления: «Эй, мелкая, а о чем ты вообще мечтаешь?»

И я тогда, не думая, выпалила: «Хочу прийти в супермаркет и просто... брать все, что захочется. Не считать каждый доллар. Не выбирать между хлебом и молоком. Просто кидать в корзину шоколадки, фрукты, мясо нормальное...»

Он тогда погладил меня по голове и пообещал, что когда-нибудь мы обязательно так сделаем.

Две недели в Беркли... Джейден оказался прав — моя история про «девчонку из трейлерного парка» всех заинтересовала ровно на три дня. А потом какая-то первокурсница засветилась с женатым профессором литературы, и все переключились на новую жертву. Вот так просто. Щелк — и ты уже вчерашние новости.

Машина проносится по луже — бац! — и я вся в грязи. Супер просто. Джинсы теперь в коричневых пятнах, толстовка промокла насквозь. День становится все лучше и лучше. ВИИИИЗГ!

Сердце ухает куда-то в пятки. Черный Range Rover тормозит буквально в сантиметре от меня. Стою как вкопанная, а внутри все сжимается от ужаса. Нет-нет-нет... только не он. Господи, пусть это будет кто угодно другой...

Тонированное стекло опускается.

— Ну ты и выглядишь, — Джейден окидывает меня взглядом. — Мокрая курица какая-то.

Вот же... Ну конечно, именно сейчас он должен был появиться. Когда я похожа на бомжиху после душа.

— А ты выглядишь как мудака в дорогой тачке, — огрызаюсь, сжимая ручки пакетов.

— Залезай в машину. Подвезу.

— Обойдусь.

— Не тупи. Садись. Простудишься же.

Ха! Вот это поворот.

— С каких это пор тебя волнует мое здоровье?

Он поджигает губы.

— Просто не хочу, чтобы ты тут мокла. Портишь вид улицы.

Ну все. Иду я отсюда. Пусть подавится своей заботой.

Разворачиваюсь и топаю дальше. Пакеты режут ладони, но лучше так, чем сидеть рядом с ним и чувствовать себя... не

знаю даже. Жалкой? Никчемной?

Слышу, как хлопает дверца. Черт! Шаги за спиной — быстрые, уверенные. Догоняет меня в два счета.

— Ты чего такая упертая? — его дыхание обжигает ухо.
— Это твой образ такой — "бедная, но гордая"?

От его близости мурашки по спине бегают. И запах... Черт, даже под дождем чувствую его парфюм.

— А ты чего такой прилипчивый? Делать нечего? Скарлетт сегодня занята?

Чувствую, как он напрягается. Ага, задело.

— При чем тут Скарлетт?

— Ни при чем! — разворачиваюсь к нему. — Просто отстань от меня, ладно? У тебя своя жизнь, у меня своя. И они не пересека...

ТРЕСК!

Пакет рвется, и все мои богатства катятся по асфальту. Банки гремят, макароны рассыпаются...

Ну вот... добавка к прекрасному дню.

Опускаюсь на колени, собираю. Вода просачивается через джинсы. Вот она, метафора моей жизни. На коленях в луже собираю свои жалкие запасы еды, пока богатенькие смотрят сверху.

Комок в горле. Нет-нет-нет, только не реветь. Не при нем.

— Блядь... — Джейден выдыхает где-то над моей головой.
— Раз так нравится мокнуть — мокни.

Слышу, как он разворачивается. Шаги. Хлопок дверцы.

Мотор рычит, и Range Rover срывается с места, окатывая меня новой порцией воды.

А я продолжаю сидеть под дождем, сжимая в руках помятую банку тушенки. Внутри пусто. Даже злиться больше нет сил.

Встаю, отряхиваю колени. Бесполезное занятие — я вся мокрая и грязная. Но ничего. Доберусь до общаги, переоденусь... если найдется во что. А потом в библиотеку. Учиться. Грызть гранит науки, пока зубы не сломаются.

Джейден

Range Rover стоит у женского общежития уже минут двадцать. Дождь колотит по лобовому стеклу, размывает все вокруг в какую-то серую кашу.

Вытаскиваю сигарету, щелкаю зажигалкой. Дым заполняет салон.

Эта Эви... Черт, да что она о себе возомнила? Упертая как баран, принципиальная до зубовного скрежета. Бесит меня конкретно. Две недели пытаюсь выкинуть ее из башки — и ни хрена не выходит. Везде мерещится. В столовке, в коридорах, даже дома, блять... Закрою глаза — и вижу ее губы, эти карие глаза с вызовом...

Замечаю движение во дворе. Маленькая фигурка пересекает пространство между корпусами. Это она.

Мать твою...

Дождь превратил ее в... в... Да черт, не знаю даже, как описать. Футболка прилипла к телу так, что видно все — от лиф-

чика до... А лифчик-то есть? Волосы мокрыми прядями липнут к шее, стекают на плечи...

В паху начинает тяжелеть. От вида мокрой заучки? Придурок.

Отворачиваюсь, выдыхаю дым. Поздно. Картинка уже въелась в мозг. И теперь будет там крутиться, пока я... не трахну кого-то или не подрочу.

Она даже не старается выглядеть сексуально. Просто идет себе под дождем. А я уже хочу ей вогнать по самые...

У входа в общежитие какое-то движение. Присматриваюсь — ну конечно. Скарлетт и ее свита.

Окружили ее. Скарлетт что-то говорит, размахивает руками. Даже отсюда вижу, как ее рот открывается-закрывается.

А Эви... Она просто стоит. Не сутулится, не прячется. Подбородок вздернут, плечи расправлены. Даже промокшая до нитки, она выглядит... достойно? Гордо? Черт, не знаю, как это назвать.

Выскакиваю из тачки прямо под ливень. Что, я творю? Она же никто. Обычная нищевродка, которой повезло в Беркли попасть. Не моего поля ягода.

Но ноги сами несут к ним. К черту логику.

— ...где нашла объедки? В мусорном баке за столовой? — долетает голос Скарлетт.

Эви молчит. По лицу стекает дождь вперемешку с... нет, это не слезы. В глазах чистая ярость. И почему-то от этой ярости член каменеет ещё больше.

— Отвали от нее, — выплевываю, подходя вплотную.

Скарлетт тут же меняется в лице. Секунду назад была стервой, теперь строит из себя секси-кошечку:

— Джейден, милый, мы просто...

— Съебали отсюда. Все. Быстро.

Забираю у Эви пакеты. Охренеть, тяжеленные. Что там, кирпичи таскает? Капли дождя стекают с ее шеи вниз, под ворот футболки. Прослеживаю взглядом их путь и... черт. Воображение тут же дорисовывает, как они катятся дальше — по груди, по животу...

— Мне твоя помощь не нужна, — ее голос выдергивает из ступора. Фыркает, пытается забрать пакеты обратно.

— А мне похер, что тебе нужно, — парирую, наслаждаясь вспышкой в ее глазах.

Скарлетт цепляется за мой рукав:

— Джей, подожди...

Смотрю на ее маникюрные коготки на моей руке.

— Руки. Убрала. Живо.

— Но мы же были вместе! — в ее голосе появляются истеричные нотки.

— Мы трахались пару раз. Это не значит "вместе". Усекла?

Разворачиваюсь к Эви:

— Пошли, гордячка.

Она стоит, закусив нижнюю губу. По подбородку стекает капля воды, и у меня язык чешется ее слизнуть. Что за бред в

голове? Это же просто дождевая вода. Но я готов поклясться, что на вкус она будет особенной.

В холле пусто. Наши шаги гулко отдаются от стен. С нас натекли целые лужи на мраморный пол — завтра уборщица проклянет нас обоих.

Поднимаемся молча. С каждым пролетом дыхание учащается, но не от физической нагрузки. От того, что мы вдвоем. Одни. И она так близко — рукой подать.

В голове крутятся картинки: прижать к стене, почувствовать, как она будет вырываться, сопротивляться... ммм.

На третьем этаже останавливаюсь. Внутри все горит огнем. Пульс зашкаливает. Вот щас... Затащу в первую попавшуюся комнату, сорву с нее эти мокрые тряпки. Буду...

— Спасибо, — вдруг выдает она. — Но это ничего не меняет между нами.

— Конечно, — киваю.

Ее глаза в полумраке коридора кажутся бездонными омутами.

— Меня не купишь показухой, — бросает с вызовом.

— Да я и не пытаюсь купить.

Делаю шаг ближе. Ее дыхание обдает мне лицо. Губы у нее дрожат — то ли от холода, то ли еще от чего. В голове мелькает картинка, как эти губы обхватывают мой член, и я чуть не стону вслух. Сука, что со мной? Она же вся промокла, замерзла, а я могу думать только о том, как бы ее тут же

к стенке прижать и по-быстрому...

— Держись от меня подальше, — выдыхает она.

— Тебя ведь тоже ведёт, — наклоняюсь к самым губам.

— Как и меня. Не отрицай.

Один поцелуй. Всего один, чтобы доказать себе — она обычная телка. Ничего особенного. Таких у меня были сотни. Это просто химия, гормоны, временное помутнение.

Потому что не может же быть так, что какая-то нищесбродка вот так взяла и...

Нет. Не может.

Эви

Его рот на моем... и всё. Мозги отключились напрочь. Жесткий поцелуй, почти грубый. Виски на языке смешивается с дождевой водой. А я... я просто таю.

Черт. Черт. Черт.

Я же ненавижу его. Ненавижу за эту самоуверенность, за то, как он смотрит на всех свысока. За то, что родился с серебряной ложкой во рту и думает, что весь мир у его ног.

Но сейчас... сейчас я целую его в ответ. И не могу остановиться.

Его язык проникает в мой рот, и у меня подкашиваются колени. Хорошо, что он держит меня, иначе я бы точно упала. Это так... интенсивно. Так откровенно. Так не похоже на те невинные поцелуи, которые были у меня раньше.

Брэдли всегда говорил: "Эви, держись подальше от богатеньких ублюдков. Они используют девчонок как салфетки

— вытрутся и выбросят."

Прости, Брэд. Твоя сестра сейчас целуется с одним из таких ублюдков. И ей это чертовски нравится.

Ладони уже под мокрой футболкой, и я... ооох...

— Уф... — срывается с моих губ, когда он находит какую-то точку под грудью.

Низ живота горит, ноги подкашиваются. А этот... этот козел улыбается! Чувствует, как я завожусь от его рук.

Джейден прижимает меня к себе сильнее, и я чувствую... ну да, его стояк упирается мне в живот через джинсы. Твердый как камень.

Пальцы скользят выше, задевают сосок через тонкую ткань лифчика. Меня прошибает током. Стон вырывается сам собой, и мне тут же становится стыдно за эту слабость.

— погоди... — хриплю, пытаюсь собрать мозги в кучу. — Стой...

Джейден отстраняется. Глаза темные-темные, зрачки огромные.

— Передумала? — в голосе насмешка, но какая-то... неуверенная?

Он снова касается груди. Медленно так водит пальцами по кругу. У меня перед глазами белые пятна пляшут. Дышать забываю.

Черт-черт-черт. Почему с ним так сложно думать?

Собираю всю волю в кулак и отталкиваю его. Сильно. Он делает шаг назад, и я пользуюсь моментом — влетаю в ком-

нату, захлопываю дверь. Прислоняюсь спиной, сползаю на пол.

Сердце колотится так, будто я марафон пробежала. Лицо горит. Губы... губы до сих пор чувствуют его вкус. А в горле ком — не пойму, от злости или от чего-то другого.

И тут накрывает воспоминание: Скарлетт с ним в кровати, эти ее театральные охи-ахи, его руки на ее заднице... Это же было всего пару недель назад! А теперь он меня целует, лапает...

Зажмуриваюсь так сильно, что больно. Хочется выть от стыда. От обиды. И от этого чертова желания, которое никуда не делось. Все еще хочется вернуться к нему, прижаться, почувствовать его руки на себе...

Ааааа! Хватит!

Джейден

Ледяная вода бьет по спине, но толку от нее — ноль. Внутри все горит, будто кто-то бензина плеснул и спичку кинул. Закрываю глаза — и вот она. Эви. Ее припухшие губы. Глаза, потемневшие от желания. И это ее дыхание... черт, я же чувствую его на своей коже даже сейчас.

Упираюсь лбом в холодный кафель. Вода стекает по лицу, заливается в рот.

Блядь... Эта девчонка меня доконает. Одно прикосновение — и я как пятнадцатилетний девственник, у которого впервые встал. Позорище.

Член твердый как камень, никакой холодный душ эту про-

блему не решит. Смотрю вниз — головка уже багровая, вены вздулись.

Ладно, к черту все.

Обхватываю ствол правой рукой, начинаю двигать. В голове — только она. Как прижималась ко мне всем телом. Как стонала, когда я дотронулся до ее груди через мокрую футболку. Эти твердые соски... мать твою, я бы их целую ночь сосал.

Ускоряю темп. Левой рукой упираюсь в стену, правая работает как поршень. Перед глазами — Эви на коленях. Смотрит снизу вверх этими своими огромными глазищами и облизывает губы. Медленно берет в рот...

— Агрх... сука...

Кончаю так мощно, что в глазах темнеет. Сперма брызгает на кафель, смешивается с водой, уходит в слив. Дышу как загнанная лошадь.

Но легче не становится. Вообще.

Выключаю воду, хватаю полотенце. Дрочу в душе как последний лузер, представляя девчонку из трейлерного парка.

Натягиваю джинсы прямо на мокрое тело. Футболку кое-как. Телефон вибрирует — опять Скарлетт.

«Милый, я скучаю. Приходи сегодня? Моей соседки нет.»

Читаю и думаю только об одном — а где эта гордячка? Что делает? С кем?

Стоп. Какого хрена я вообще об этом думаю? Мне-то что за дело?

Но мозг уже рисует картинки. Вот она идет где-то в своих вечных джинсах и толстовке. А вокруг — стая голодных кобелей, которые пялятся и облизываются. Готовы в любой момент...

Кулак сам собой врезается в стену. Костяшки вспыхивают болью. Хорошо. Отрезвляет.

Три часа ночи. Я в подвале, в импровизированном спортзале, который оборудовал еще на первом курсе. Бинты на руках уже красные — сбил кожу еще час назад. Но продолжаю молотить грушу.

Удар. Еще удар. Правой.левой. Апперкот. Хук.

С каждым ударом пытаюсь выбить из головы ее образ. Бесполезно. Она там, въелась намертво.

Бью сильнее. Кровь с костяшек летит на пол, оставляя темные пятна. Боль хорошая. Правильная. Она заглушает пустоту...

Эта пустота... Она была всегда. С тех пор, как мама...

Нет. Не буду об этом думать.

Удар. Еще сильнее. Еще.

Мама оставила записку. Восемь слов.

И флакон из-под снотворного. Пустой.

А потом отец... Он как с цепи сорвался. Бухал, орал, лупил. В основном меня — я же старший.

Марку вообще не доставалось никогда. На маму не похож — весь в отца. А я...

"Ты — копия этой суки!" — орал отец, размахивая ремнем. "Такой же слабак! Такой же..."

УДАР!

Груша качается как маятник. Из разбитых костяшек хлещет кровь. Похуй.

Еду по ночному городу без цели. Музыка на полную — что-то тяжелое, с рваным ритмом. Range Rover жрет километры, а я просто давлю на газ.

Мимо проносятся огни. Красный, желтый, зеленый. Плевать. На спидометре уже под сотню, но хочется еще быстрее. Чтобы ветер выдул из головы все мысли. Чтобы остался только драйв.

У светофора замечаю знакомые лица. Алекс Ривера тащит за руку какую-то блондинку. Та упирается, пытается вырваться. Классика — напоил, теперь тащит к себе.

Обычно бы проехал мимо. Не мое дело. Но сегодня... Сегодня внутри все кипит, ищет выход. И этот мудака как раз подвернулся под руку.

Резко торможу. Шины визжат, оставляя черные следы на асфальте. Выскакиваю, хлопаю дверью.

— Эй, Ривера! Отпусти ее.

Он оборачивается. Глаза мутные, зрачки расширены. Не только бухой — еще и под чем-то.

— Монтгомери? Иди своей дорогой, не твое дело.

Смотрю на девушку. Хейли. Моя бывшая. Год встреча-

лись, пока не застал ее с Марком. В моей постели. Помню, как стоял в дверях, а они...

Неважно. Дело прошлое.

Но синяки на ее запястьях — это уже перебор.

— Сказал — отпусти.

— Да пошел ты! — Ривера дергает Хейли к себе. — Она моя девушка, что хочу, то и делаю.

Бью без предупреждения. Кулак встречается с его челюстью — чувствую, как что-то хрустит. Ривера отлетает к стене, Хейли вырывается.

— Сука! — он бросается на меня.

Уворачиваюсь, бью в солнечное сплетение. Он сгибается пополам. Добавляю коленом в лицо — кровь брызгает фонтаном.

Адреналин зашкаливает. Хочется бить еще и еще. Размазать эту рожу по асфальту. Но останавливаюсь — он уже валется, держится за сломанный нос.

— В следующий раз подумай, прежде чем руки распускать.

Хейли дрожит рядом. Смотрит на меня.

— Спасибо, Джей... Может, поедem ко мне? Выпьем что-нибудь?

— Нет.

— Ты все еще злишься? Из-за Марка? Джей, это было ошибкой. Я была пьяная, он...

— Мне похуй, Хейли. Просто держись подальше от таких

уродов.

Сажусь в машину, трогаюсь с места. В зеркале вижу, как она помогает Ривере подняться.

Телефон вибрирует. Картер.

«Вечеринка у Райанов. Будешь?»

Смотрю на разбитые костяшки. На кровь на рубашке — не вся моя.

«Может быть».

А может, и нет. Может, просто поеду домой и напьюсь в одиночестве. Как отец. Яблоко от яблони...

Нет. Не буду как он. Никогда.

Глава 9. Мамины долги

Эви

Телефон дребезжит на тумбочке, и я отвечаю, еще не открывая глаз.

— Эви... милая... — голос мамы дрожит на том конце.

Вот же... Опять эти слащавые интонации. Когда она в последний раз звонила просто так? Спросить, как учеба, как здоровье? Да никогда, блин.

— Мне нужна твоя помощь... — всхлип.

— Сколько?

— Семь тысяч...

Семь. Тысяч. Долларов.

Резко сажусь на кровати. Это же... это полгода вкалывания в «Розе». Полгода натянутых улыбок пьяным мужикам, которые лапают меня взглядом. Полгода адских шпилек, от которых ноги потом гудят так, что хочется их отрезать.

— Джош... он дал мне взаймы. Я думала, смогу вернуть, но...

— На что потратила?

— Операция нужна была... Боли страшные, а страховка не покрывает... Джош предложил помочь...

Ага, операция. Как же. Единственная операция, которая ей нужна — это вырезать из мозга зависимость от оксиконтинина. Я ж не вчера родилась, знаю эти ее «операции».

— Когда вернуть надо?

— До среды. Если не верну...

Молчит. Дышит в трубку так, будто воздух кончается. Закрываю глаза. Вижу ее так ясно, будто стою рядом — сидит на продавленном стуле, пепельница переполнена, на столе россыпь таблеток...

— Я знаю, какая я мать... Знаю, что вечно подвожу тебя. Но ты же у меня умная... сильная...

О да, давай, дави на жалость. Это же твой коронный номер. И самое паршивое — он работает. Каждый раз работает, черт бы меня побрал.

— Буду через пару часов.

Бросаю трубку. Руки дрожат. Да что ж это такое? Почему я не могу просто сказать «нет, мама, разбирайся сама со своим дерьмом»? Почему каждый чертов раз лечу ее спасти?

На соседней кровати похрапывает Скарлетт. Ее жизнь — это шопинг на Родео-драйв, вечеринки в Малибу и парни на Феррари. А моя — это мать-наркоманка и долги местному уроду.

Одеваюсь в темноте. Из заначки достаю конверт. Три тысячи баксов — все, что удалось отложить. Смешно, да? Полгода пахать как лошадь ради трех жалких штук.

Автобус приходит пустой. Сажусь у окна, прижимаюсь лбом к холодному стеклу. За окном мелькают огни ночного города, потом все реже, реже... А потом начинаются те самые районы. Серые. Убогие. Безднадежные.

За окном проплывает спящий город. Сначала блестящие небоскребы, потом все хуже и хуже — обшарпанные дома, граффити на стенах, решетки на окнах. И наконец — трейлерный парк «Солнечная долина». Ха, какое название. Солнца тут не видели лет сто, а долина больше похожа на помойку.

Выхожу на остановке, и меня сразу окатывает вонью — мусор, моча, что-то протухшее. Домой, милый дом.

Наш трейлер — третий слева. Краска облупилась еще когда я в школу ходила, окна заклеены скотчем, на ступеньках валяются пустые бутылки. Над дверью висит табличка «Добро пожаловать» — я ее в десять лет повесила, думала, будет уютнее. Наивная дурочка.

Поднимаюсь по скрипучим ступенькам. Дверь открывается раньше, чем я успеваю постучать. Мама стоит на пороге, и у меня сердце сжимается. Господи, на кого она стала похожа... Волосы сальные, свисают сосульками. Лицо серое, под глазами мешки. Футболка в пятнах, джинсы держатся на честном слове.

— Эви! Ты приехала...

Она бросается обнимать меня, но я отстраняюсь. Не могу. Просто не могу чувствовать от нее запах немытого тела и дешевых сигарет.

Захожу внутрь. Тот же бардак. Горы посуды, бутылки, окурки везде. На столе — знакомая оранжевая баночка. Оксиконтин, как я и думала.

— Хотела прибраться... Знала же, что приедешь... — мама суетится, считает окурки в мусорку, которая и так переполнена.

Я сажусь на диван. Пружины скрипят, обивка липкая от чего-то. Лучше не думать, от чего именно.

— На что ушли деньги? — спрашиваю прямо, глядя ей в глаза.

Она мнется, теревит край футболки. Взгляд бежит — по стенам, по полу, куда угодно, только не на меня.

— Я же сказала... операция...

— Мам. На что ушли деньги?

— Мне правда было больно... Спина, знаешь... А таблетки помогают...

Встаю. Внутри все кипит, но стараюсь говорить спокойно:

— Ты взяла семь штук у Джоша Рида, чтобы купить окси?

— Эви, милая...

— НЕ НАЗЫВАЙ МЕНЯ ТАК!

Сорвалось. Не хотела кричать, но...

Она плачет. Слезы текут по грязным щекам, оставляя дорожки.

— Джош сказал... до среды... Если не верну...

— Что он сказал?

Она всхлипывает, вытирает нос рукавом.

— Сказал, что мне конец...

БАМ! БАМ! БАМ!

Кулак колотит в дверь так, что весь трейлер трясется.

— СЬЮЗЕН! ОТКРЫВАЙ, СУКА!

Мама белеет. Вцепляется в меня ледяными пальцами.

— Это он... — шепчет она, вцепляясь в меня.

Мама тянет меня к ванной, но поздно. Дверь слетает с петель, и в трейлер вваливается Джош.

Здоровенный кабан — по-другому не скажешь. Бычья шея, руки как окорока, все в дурацких татуировках. Маленькие свиные глазки блестят, изо рта несет перегаром и чесноком.

— О, маленькая Эви... — он скалится, демонстрируя золотой зуб. — Выросла-то как...

Его взгляд ползет по мне. Липкий. Мерзкий. Хочется содрать с себя кожу.

— Семь тысяч. Дай мне три недели, — выпаливаю, стараюсь не показывать страх.

— Три недели? — он смеется, и от этого звука хочется сбежать куда подальше. — Твоя мамаша уже два месяца кормит меня завтраками. Время вышло, детка.

— Я верну долг. Весь.

Он делает шаг ближе. Потом еще один. Теперь между нами меньше метра, и я чувствую его вонь — пот, дешевый одеколон и что-то прогорклое.

— Знаешь что... — он облизывает губы, и меня чуть не выворачивает. — Есть способ решить проблему. Ты же красивая девочка стала. Можем договориться... по-другому.

Его пальцы хватают меня за запястье. Грубо, больно. Кожа

горит там, где он прикасается.

— Даже не думай, — цежу сквозь зубы, пытаюсь вырвать руку.

— Тогда семь штук до среды. Или мамашке твоей крышка. А может, и тебе заодно. Несчастные случаи в трейлерных парках — обычное дело.

Он отпускает меня и уходит, напоследок пнув перевернутый стул. Я сползаю по стене на пол. Ноги не держат, сердце колотится где-то в горле.

— Малышка... — мама опускается рядом, пытается обнять.

— Не трогай меня.

Где взять семь тысяч долларов за три дня. Можно попросить аванс у Рэй... Нет, она не даст такую сумму. Можно взять дополнительные смены... Но даже если я буду работать круглосуточно, не наберу столько.

— Эви... есть еще кое-что... — мама мнется, не глядя на меня. — Брэдли присылал письма. Из тюрьмы. Я... я не отправляла твои ответы. И его письма тебе не отдавала. Прости...

Что?..

Она встает, роется в ящике стола. Достает стопку конвертов, перевязанных резинкой. Тюремные штампы, знакомый почерк. Пять писем от Брэдли, которые я никогда не видела. Хватаю письма, разрываю первый конверт. Руки трясутся. «Малявка, держись там. Знаю, тебе сейчас хреново, но ты

самая сильная из нас. Всегда была...»

«С днем рождения, малявка. Жаль, не могу быть рядом. Береги себя. Люблю тебя...»

«Эви, почему не пижешь? Я волнуюсь...»

«Слышал, ты в Беркли поступила! Вот это да! Моя сестренка — студентка крутого универа. Горжусь тобой, мелкая...»

«Наверное, ты злишься на меня. Имеешь право. Я облажался по полной. Но знай — я вернусь, и мы все исправим. Обещаю...»

Слезы капают на бумагу, размывая чернила. Брэдли... Мой старший брат, который всегда меня защищал. Который научил драться, чтобы могла за себя постоять. Который забрал меня из этой помойки.

А теперь он в тюрьме из-за этого уроды Рика Донована. И я даже писем ему не писала, потому что эта... эта тварь их не отправляла.

Поднимаюсь. Ноги ватные, но держусь. Надо что-то делать. Надо найти эти чертовы семь тысяч. И надо написать Брэдли. Сказать, что я его не бросила. Что просто не знала...

Джейден

Залипаю в мобилу в аудитории. Но в голове крутятся картинки из вчерашнего. Как она постанывала, тихо, едва слышно. Как выгибалась подо мной. Как её маленький язычок...

Член дёргается в джинсах, напоминая, что утренний стояк никуда не делся.

Дверь аудитории открывается, и в нос шибает приторными духами. Скарлетт. Сколько она на себя выливает этого дерьма?

Подходит ближе ко мне, склоняется над моим столом, выпячивая силиконовые сиськи прямо мне в лицо.

— Джейден, милый... Почему ты не отвечаешь на мои сообщения? — надувает губы. — Я всю ночь не могла уснуть, думала о тебе... Придёшь сегодня ко мне? Соседки не будет...

— Скарлетт.

— Да, милый?

— Свали нахуй, будь добра.

— На твой? — облизывается.

Ага, на мой.

— На мой тебе не предвидеться... так дай подумать... ни-ког-да.

Её лицо вытягивается. Рот открывается-закрывается.

— Что?

— Ты меня услышала.

Она резко разворачивается, и виляя бедрами уходит. Наконец-то. Ещё бы минута и я бы задохнулся.

В аудиторию wpłyвает Эви. Выглядит хреново — волосы торчат в разные стороны, под глазами круги, губу закусила до крови. Что с ней, чёрт возьми?

Растягиваю губы в ухмылке:

— Доброе утро, горячка. Выглядишь... помятой.

Она смотрит сквозь меня. Ах так, значит? Ну ладно, посмотрим кто кого переупрямит.

— Эй, я с тобой разговариваю.

— Отвали, Монтгомери.

Голос хриплый. Кричала что ли всю ночь? Или плакала? Мысль о том, что она плакала, почему-то бесит ещё сильнее.

Наклоняюсь к ней через проход между партами.

— Опять строишь из себя ледышку? А вчера была такой горячей... Стонала, выгибалась... Помнишь?

Бинго. Щёки мгновенно заливают краской. Она дёргается, но я успеваю заметить кое-что ещё. На запястье — синяк. Свежий. В форме пальцев.

Что за хуйня? Кто-то её... тронул? Держал? Бил?

Внутри всё закипает. Кровь стучит в висках. Кто посмел? КТО, блядь, ПОСМЕЛ положить на неё руки?

— Кто это сделал?

Она инстинктивно прячет руки под стол. Но поздно — я уже всё видел.

— Не твоё дело.

— Моё. Отвечай — кто?

— С чего ты взял...

— Не тупи, Эви. Синяки свежие. Кто-то держал тебя. Крепко держал. Кто это был?

В этот момент Дэвидсон входит в аудиторию. Старый козёл окидывает нас неодобрительным взглядом.

— Садитесь на своё место, Монтгомери. Немедленно.

Поднимаюсь, но прежде чем отойти, наклоняюсь к её уху:
— Это не конец разговора. После пары жди меня.

Она вздрагивает от моего дыхания на её коже.

Весь оставшийся час я не слушаю Дэвидсона. Какая нахрен структура капитала, когда у меня в голове только одно
— кто оставил эти синяки на её коже?

Это из-за денег? Влезла в долги? Взяла у кого-то не того?

Мысль о том, что какой-то ублюдок трогал её, заставляет сжимать кулаки до боли. Ногти впиваются в ладони. Хочется найти этого урода и переломать ему все кости. Медленно. С удовольствием.

— Мистер Монтгомери! — голос Дэвидсона выдёргивает из кровавых фантазий. — Может, поделитесь с нами своими соображениями о влиянии монетарной политики на экономический рост?

О чём, блядь, он вообще? Я последние полчаса думал только о том, как буду выбивать информацию из Эви.

— Спросите лучше мисс Грей. Она у нас эксперт по всем вопросам.

Эви поднимается. Выпрямляет спину, выдёргивает подбородок. И начинает вещать. Термины, формулы, графики... Я не слушаю. Я смотрю. Как двигаются её губы. Как она жестикулирует, забыв про синяки. Как загораются глаза, когда она говорит о том, что знает.

Умная. Чертовски умная. И гордая. И упрямая. И... моя? Откуда эта мысль? С хуя ли она моя? Мы просто... что?

Целовались? Я её лапал?

Это не делает её моей. Это вообще ничего не значит.

— Превосходно, мисс Грей! Вот как надо отвечать, Монтгомери. Учитесь.

— Какая умница наша мисс Грей... Интересно, чего ей это стоило? Может, профессору приходится доплачивать за хорошие оценки? Не деньгами, конечно...

Слова вырываются сами. Я даже не успеваю подумать. Просто... хочется задеть её. Вывести из себя. Заставить посмотреть на меня.

Карандаш в её руке ломается. Треск такой громкий, что несколько человек оборачиваются.

Она смотрит на меня. Наконец-то. И в её глазах столько боли, что мне становится хреново. Физически хреново.

Звонок. Эви срывается с места и несётся к выходу. Я бросаюсь за ней.

— Стой!

Настигаю её в коридоре. Хватаю за локоть, разворачиваю к себе. Она дёргается, пытается вырваться.

— Отпусти!

— Нет. Сначала поговорим.

— О чём? О том, какая я шлюха? Уже высказался на всю аудиторию!

— Я не это имел в виду...

— А что? Что ты имел в виду, Монтгомери? Что я сплю с профессорами за оценки?

— Заткнись.

Прижимаю её к стене. Она мелкая — макушка едва достаёт мне до подбородка. Но злости в ней на десятерых.

— Кто тебя трогал? Эти синяки... Я хочу имя. Сейчас.

— С чего ты взял, что имеешь право...

— Я помогу. Деньги, связи, что угодно. Только скажи, что происходит.

Она смотрит на меня долго. В её глазах мелькает что-то... надежда? Но тут же гаснет.

— Я не продаюсь, Монтгомери. Ни за оценки, ни за твою помощь. Ни за что.

— Я не предлагаю тебе продаться! Я хочу помочь, блядь! Почему ты такая упрямая?

— Почему ты такой навязчивый? Что тебе вообще от меня надо?

Хороший вопрос. Что мне от неё надо? Трахнуть и забыть?

— Просто... не нравится, когда тебя обижают.

Тупо звучит. Но, что ещё сказать без понятия.

— Я сама разберусь. Без твоей помощи. Без чьей-либо помощи. Ясно?

— Ясно.

Отпускаю её. Она тут же сматывается.

Глава 10. Метания

Багровые отметины на запястьях болят при каждом движении. Грёбаный Джош. Следы его пальцев – напоминание о долге. Семь тысяч долларов. До среды. Желудок скручивает узлом. Семь. Тысяч. Долларов. Где их взять? Откуда?

Падаю на кровать лицом в подушку, пружины издают жалобный стон. Под одеялом что-то твёрдое. Нащупываю плотный конверт кремового цвета. Дорогая бумага, идеально ровные края. Сердце пропускает удар, потом начинает колотиться как бешеное.

Внутри записка.

«Разберись со своими проблемами. Ничего не должна».

И деньги. Пятнадцать тысяч долларов. Идеально ровная стопка купюр. Пятнадцать грёбанных тысяч!

Волна жара прокатывается по телу, а затем накрывает холод. Как он посмел? Лучше бы по морде дал. Это не помощь, это... унижение. Подачка. Как бродячей собаке.

В голове всплывает его самодовольное лицо. Серые глаза. Тяжёлые руки, прижимающие меня к стене. Горячее дыхание на моих губах. Вкус виски. Поцелуй.

Черт.

Зажмуриваюсь. Между ног разливается предательское тепло.

Перестань думать о нём, Эви. Он тебе не пара. Он тебе не

друг. Он вообще никто.

— Самовлюбленный ублюдок.

Подхожу к окну. Прикладываю лоб к холодному стеклу. Не помогает. В носу его запах. На коже фантомное ощущение его прикосновений. От закрытых глаз только хуже — все чувства обостряются.

Телефон вибрирует в кармане. Сообщение от мамы:

«Джош приходил. Передумал. Ждет всю сумму завтра».

Завтра? Твою мать. Это конец. Выбора нет.

Пятнадцать тысяч или... то, что ждёт за дверями VIP-комнат "Розы". Липкие взгляды, приторный одеколон, пьяные шепотки, жадные руки. Частные танцы. Особое внимание. Приватные комнаты, где музыка не заглушает звуков.

По коже бегут мурашки. Видела, как девчонки ломаются в этом клубе. Как гаснет свет в глазах. Как они превращаются в пустые куклы с натянутыми улыбками. Видела, как на следующий день они избегают зеркал.

И сама боюсь. До дрожи боюсь стать одной из них.

«Ничего не должна».

Какая наглая ложь. В этом мире за всё приходится платить. Деньгами. Телом. Душой.

До смены четыре часа. Нужно поспать. Восстановиться. Но сон не идёт. Мысли носятся в голове как стая одичавших собак, рвут на части. Хочу орать. Выть. Разбить голову о стену. Исчезнуть.

Только бы не видеть эти деньги. Не думать о нём.

Продаться разом или по частям? Сохранить иллюзию свободы или...

Вскакиваю с кровати. Сердце колотится так, что в ушах звенит. Должен быть другой выход! Листаю контакты в телефоне. Рэй... Алекс... Может взять ещё одну подработку? Ночное кафе? Уборка офисов? Мойка посуды?

Всё бессмысленно. Семь тысяч за один день – это за границу возможного.

Ненавижу его за то, что поставил перед таким выбором. За то, что его деньги дают ложную надежду, иллюзию лёгкого выхода.

Ненавижу себя за то, что готова их взять. За то, что чувствую к нему что-то кроме отвращения. За то, что с болезненным наслаждением вспоминаю вкус его губ.

И за то, что эти воспоминания заставляют низ живота пульсировать от возбуждения.

Конверт с деньгами жжёт руку. За этой дверью – он. Источник всех проблем и самых запретных желаний. Набираю воздуха, но лёгкие будто сдавлены тисками. Костяшки пальцев касаются двери. Что я здесь делаю? Зачем пришла?

Дверь распаивается так резко, что чуть не отлетаю назад. Джейден стоит на пороге полуголый, с полотенцем на плече. Капли воды стекают по рельефному торсу, сбегаят вниз по кубикам пресса, исчезают под кромкой спортивных штанов. А под ними, очевидно, ничего нет. В нос бьёт запах мят-

ного геля для душа.

Взгляд цепляется за багровый синяк на рёбрах. Огромный. Кто его так? Почему меня это волнует?

Фокус, Эви. Ты здесь не за этим.

— Нравится вид, гордячка? — выдёргивает из ступора.

Поднимаю глаза. Ошибка. Его взгляд прожигает насквозь, выметает все мысли. Долг, мать, Джош – всё растворяется. Остаётся только он. Здесь. Сейчас.

Молча протягиваю конверт, не выдерживая этого взгляда. Между ног пульсирует. Предательское тело. Сжимаю челюсти.

— Заходи, — он отступает в сторону.

Не просьба. Приказ. Переступаю порог. Колени дрожат. Комната дышит дороговизной и той же сдержанной мужественностью – минимализм, новейшая техника, едва уловимый запах парфюма.

Щелчок замка. Мы одни. В его комнате. И он почти голый. От этой мысли внутри всё плавится.

— Это твои деньги. Я не могу их принять, — еле выдавливаю из себя слова.

— А я не могу смотреть, как ты делаешь глупость, — он подходит ближе, касается пальцами моего подбородка.

От прикосновения по коже бегут мурашки. Его близость опьяняет. Веду борьбу с желанием прижаться к нему.

— Мне не нужна жалость, — вкладываю в слова всю злость.

— Жалость? — насмешливо выгибает бровь. — Я предлагаю решение проблемы. Принять помощь — не унижение.

Взгляд против воли опускается на его губы. Пухлые, влажные. Внутри всё сжимается в тугий узел.

Он делает ещё шаг. Дистанция минимальна. Соски твердеют, упираясь в ткань толстовки. Лишь бы не заметил.

— Ты и есть моя единственная проблема, — слова вырываются сами. И только сейчас понимаю, насколько они правдивы.

Резко прижимает меня к стене. Его руки обхватывают лицо, заставляя смотреть ему в глаза.

— Упрямая, — шепчет, проводя пальцами по шее. — До безумия.

Конверт выскальзывает из рук, купюры разлетаются по ковру. Плевать. Сейчас существуют только его руки в моих волосах, его губы на моих, его дыхание на коже. Голова кружится, мысли тают белым шумом. Хочу сказать что-то, возразить, вспомнить зачем пришла, но слова вязнут в горле, тонут в его поцелуе.

Язык сплетается с моим, и я отвечаю с такой же страстью, такой же отчаянной необходимостью. Его руки скользят под толстовку, обжигают кожу, сжимают грудь, и я выгибаюсь навстречу, теряя контроль. Господи, как стыдно. Но остановиться не могу. Не хочу.

Он подхватывает меня на руки, и я обвиваю ногами его талию, прижимаясь всем телом. Чувствую его каменный член

сквозь ткань штанов. От этого контакта по венам растекается жидкий огонь.

— Горячая... — хриплый шёпот, пальцы проникают под пояс джинсов.

Первое прикосновение – и меня будто током бьёт. Впиваюсь ногтями в его плечи, пытаюсь сдержать стон, но он вырывается – тихий, дрожащий. Его движения медленные, дразнящие, темнеющие глаза следят за моей реакцией. Каждое касание – мука и наслаждение одновременно. Он знает, как доводить до грани. До безумия.

— Сильнее... — шепчу, ощущая, как напряжение нарастает с каждым вдохом.

Он усмехается – низкий, вибрирующий звук, от которого всё тело покрывается мурашками – и ускоряет темп. Большой палец описывает круги вокруг клитора, другие проникают внутрь, растягивая, заполняя. Выгибаюсь дугой, впиваюсь в его плечи, не в силах сдержать стон. Ещё. Сильнее.

— Давай, гордячка, — шепчет в самое ухо.

И это последняя капля. Оргазм накрывает с головой, тело содрогается в его руках, лёгкие забыли, как дышать. Он продолжает ласкать, продлевая момент, пока не обмякаю, уткнувшись в его плечо. Мышцы дрожат, дыхание сбивается.

Через мгновение накатывает стыд. Судорожно поправляю одежду. Джейден молча собирает деньги, складывает в конверт. Движения спокойные, размеренные. Словно ничего не

произошло. Будто для него это привычное дело – доводить девчонок до оргазма и выпроваживать. Эта мысль жалит.

— Возьми, — протягивает конверт. — Без условий. Если откажешься, заставлю взять. И поверь, тебе не понравится, как именно.

Забираю конверт дрожащими пальцами. Внутри всё ещё пульсирует тепло – и это только ухудшает ситуацию.

— Мне нужны только четыре, — отсчитываю нужную сумму, остальное возвращаю. — Верну. Обязательно.

— С процентами? — уголки его губ приподнимаются. — Не сомневаюсь.

Выбегаю из комнаты, едва не упав. В коридоре приваливаюсь к стене, хватая воздух ртом.

Такси еле ползёт в вечерних пробках. За окном размытые огни, серые контуры зданий. Пересчитываю деньги – купюры скользят между пальцев, пахнут краской и чем-то чужим, неправильным. Семь тысяч. Цена моего чего? Спокойствия? Безопасности матери? Свободы от Джоша? Не знаю. Знаю только, что эти деньги жгут кожу, словно клеймо.

Прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Внизу живота ещё ощущается фантомная пульсация. Ненавижу своё тело за реакцию на него. На этого высокомерного, самоуверенного... Боже, хватит о нём думать.

Трейлерный парк. Запах прогорклого масла, гниющего мусора и безнадёги бьёт в нос, вызывая тошноту. Джош раз-

валился на крыльце с банкой пива. Оглядывает меня с головы до ног. Меня передёргивает.

— Ну и видок у тебя, Эви, — золотой зуб сверкает в сумраке. — Кто-то хорошенько тебя оприходовал?

Так и тянет плюнуть в его рожу. Но молчу. Швыряю конверт к ногам.

— Держи свои грёбанные деньги и отвали от моей матери. Он лениво поднимает конверт, пересчитывает. Толстые пальцы с грязью под ногтями... Не такие, как у Джейдена — длинные, сильные, с выступающими венами. Черт, я снова думаю о нём.

— Семь штук. Неплохо, — он поднимается, нависая надо мной. От него несёт перегаром и дешёвым одеколоном — запахом, который ассоциируется у меня с болью и унижением. — Решила стать шлюхой?

Пячусь назад, натыкаюсь спиной на холодный металл фонарного столба.

— Тебе какое дело?

— Просто интересно, — ещё шаг ко мне. — Откуда у такой девчонки, как ты, столько денег?

— Работаю, — цежу, сдерживая дрожь.

Он слишком близко. Слишком... знакомо.

— Работаете? — усмехается. — А я помню тебя совсем маленькой... худенькой... испуганной... Как котёнок...

Меня прошибает холодным потом. Воспоминания проносятся перед глазами, как кадры из фильма ужасов. Десять

лет. Темнота. Запах перегара. Его руки. Мама, обдолбанная в хлам, даже не слышит, как он вытаскивает меня из кровати...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.